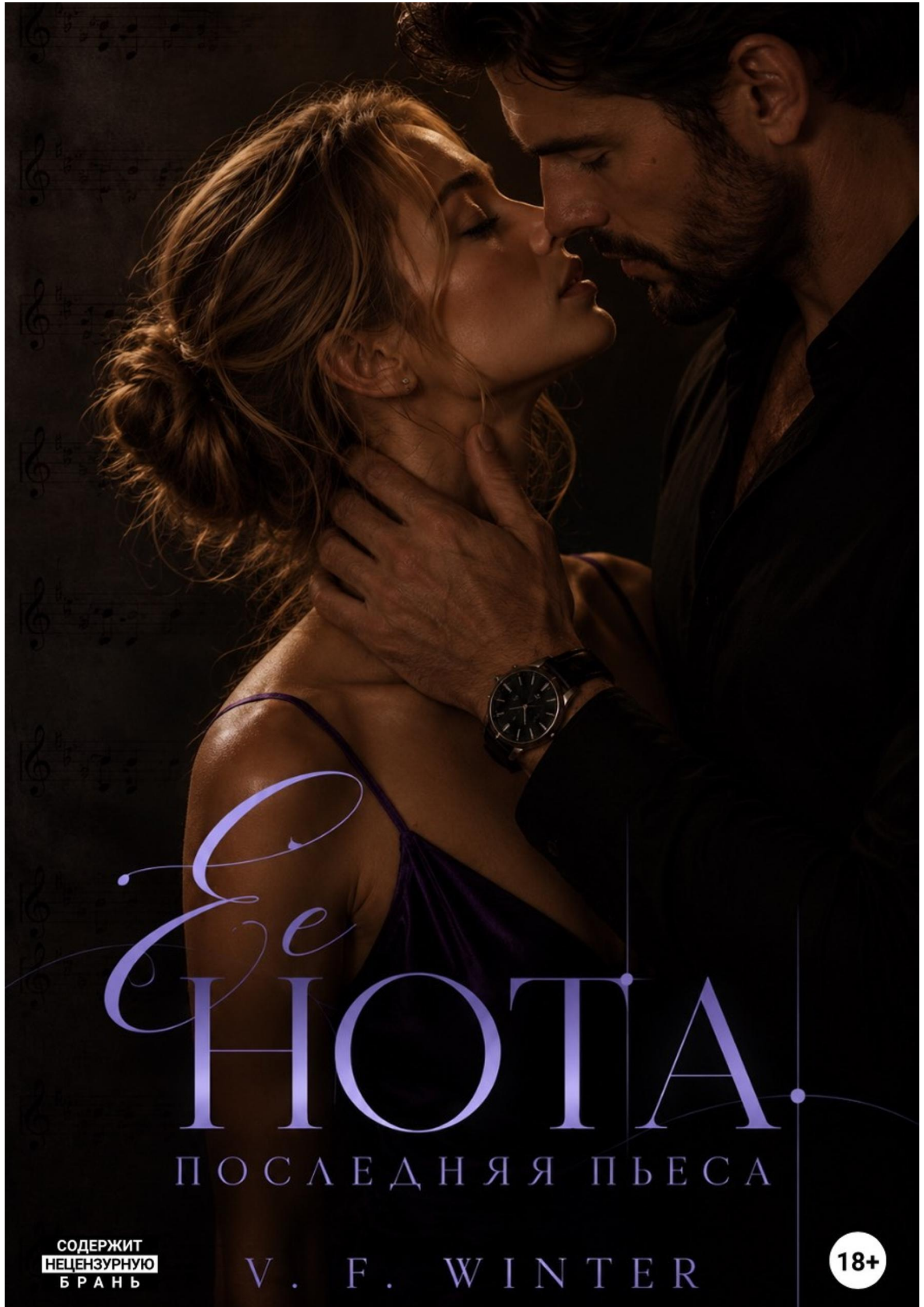

Секс НОТА

ПОСЛЕДНЯЯ ПЬЕСА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

V. F. WINTER

18+

V. F. Winter

Её нота. Последняя пьеса

«Автор»

2026

Winter V.

Её нота. Последняя пьеса / V. Winter — «Автор», 2026

Некоторые истории любви заканчиваются тогда, когда двое наконец находят друг друга. Но что, если после этого начинается самое важное? Эстер и Лиам уже знают, что значит потерять друг друга. Знают цену молчанию, страху и словам, которые иногда слишком долго остаются невысказанными. Теперь им предстоит самое сложное — бороться не за то, чтобы быть вместе, а за ту жизнь, которую они так долго мечтали построить вместе. Впереди у них не обещание идеальной жизни. Будут прошлое, которое не исчезает по одному желанию, новые испытания, привычные страхи и моменты, когда даже самая крепкая любовь требует сделать ещё один выбор. Но самое главное испытание — смогут ли они однажды поверить, что действительно заслужили своё счастье.

© Winter V., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
ПЛЕЙЛИСТ К КНИГЕ	6
Глава 1.	7
Глава 2.	11
Глава 3.	16
Глава 4.	21
Глава 5.	32
Глава 6.	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

V. F. Winter

Её нота. Последняя пьеса

Аннотация

Некоторые истории любви заканчиваются тогда, когда двое наконец находят друг друга. Но что, если после этого начинается самое трудное?

Эстер и Лиам встретились в тот момент, когда оба еще не знали, сколько всего им придется потерять, прежде чем научиться быть счастливыми. Их путь никогда не был дорогой идеальных людей и правильных решений. В их прошлом слишком много теней: старые раны, чужие ошибки, страх сделать лишний шаг навстречу и слова, которые ранили больше любого молчания. Они уже знают цену разлуке, тишине и невысказанности.

Но даже сквозь хаос и боль пробивалась музыка, которая когда-то их связала. Чувства, от которых невозможно было спрятаться. И любовь, которой пришлось пройти через испытание тишиной, чтобы наконец обрести собственный голос.

«Последняя пьеса» — это не сказка о том, как герои нашли свое «долго и счастливо». Это история о том, что происходит после. Когда мечта становится реальностью, обнажая простую истину: удержать счастье порой куда сложнее, чем отвоевать его у судьбы.

Впереди у них не идеальная жизнь, а прошлое, которое не стирается по щелчку пальцев, новые трещины и ежедневный выбор оставаться рядом.

И самое главное испытание ждет их впереди. Смогут ли они однажды перестать оглядываться назад — и поверить, что действительно заслужили право быть счастливыми?

ПЛЕЙЛИСТ К КНИГЕ

Музыка, которая звучала вместе с этой историей.

Her Note. The Last Piece — Official Playlist

[Слушать плейлист в Spotify](#)

Глава 1.

Лиам

Music on: David O'Dowda — This Is the Walk

Реальность не подписывает мировых соглашений. Она не слушает возражений и не смотрит на регалии. Она приходит без повестки — в тот самый миг, когда ты хочешь лишь запустить пальцы в её волосы, прижаться лбом к её виску и забыть обо всех судах этого мира. А вместо этого я считаю секунды до очередного удара сердца, запертый в четырех стенах, где от всей моей блестящей защиты остался только гул собственной крови в висках.

Я смотрел на свои руки, скованные тяжёлым металлом наручников. На коже запеклась её кровь — липкая, тёмная, вьёвшаяся в каждую складку.

Грейс.

От этого имени внутри словно провалилось куда-то под ребра — резко, до тошноты. Воздух в комнате казался слишком густым, чтобы им дышать, но ещё тяжелее было осознавать простую вещь: я сижу здесь не потому, что кто-то ошибся адресом. Я сижу здесь потому, что позволил этому случиться.

— Лиам! Черт возьми, посмотри на меня! — Джулиан тряс меня за плечо, его голос срывался на хрип. — Что там произошло в Ред-Хуке? Что она сказала? Мне нужно знать факты, чтобы хоть как-то выстроить линию защиты, пока они не вошли!

Я не слышал его. Локвуд мог говорить что угодно, но для меня его голос доносился будто из-под толщи воды. Моё сознание намертво заиклилось на том, что произошло, вытеснив всё остальное — и стены этой комнаты, и само время.

Грейс стояла у окна, не отводя от меня глаз. В этой тесной, провонявшей дешёвым табаком и старостью комнате даже воздух казался сжатым. В полумраке её лицо казалось совсем чужим, а глаза — красными от слёз, но неожиданно сухими.

Одна рука судорожно вцепилась в живот, а вторая была спрятана за спиной. Она что-то прятала. И это молчание за её спиной давило сильнее любого вопроса. Что в руке? Если это конец, то почему в её взгляде нет страха — только эта ледяная, жуткая собранность? Я сделал шаг вперед.

Джулиан снова рванул меня за плечо, заставляя обернуться, и в его глазах я увидел смену тактики — он понял, что я не в состоянии давать показания.

— Ладно. К черту вопросы. Слушай меня внимательно: забудь всё, что ты знаешь о защите. Сегодня ты не адвокат, ты — подозреваемый в покушении на убийство. Просто молчи. Что бы они ни спрашивали, какую бы чушь ни несли — ты не произносишь ни слова, понял? Ты слышишь меня?

— Грейс, что происходит? Почему ты в Нью-Йорке? — спросил я, заставляя себя говорить ровно, хотя в горле стоял ком.

Она лишь горько усмехнулась.

— Ты должен был вернуть мне его, а не отгонять от меня ещё дальше, — бросила она резким, сорванным на выдохе голосом. — Ты должен был всё исправить.

Я подошел ближе, видя, до какого состояния она дошла. Пытаясь смягчить тон, я произнес:

— Грейс, давай ты успокоишься, и мы поговорим.

Она вскинула голову, и её лицо вмиг заострилось от ненависти.

— Это ты всё уничтожил. Всё, что у меня было. А теперь ты лишаешь нас любого шанса на будущее. Ты и эта твоя избалованная девчонка, привыкшая получать всё по щелчку

пальцев! Я знаю, что у вас будет ребенок, я видела вас. Такие счастливые, такие беззаботные, окруженные охраной, будто вы боги. Ты так нежно трогал её живот, так бережно разглядывал снимок... — Она резко вскинула руку, указывая на меня пальцем, в котором билась дрожь. — У тебя нет права на это счастье, Лиам. Ты и она сполна заплатите за свою ложь.

Тяжёлый лязгающий звук вплёлся в гул крови в висках. Шаги за спиной — размеренные, тяжёлые, лишённые даже намёка на спешку. Двое.

Я не шевелился, продолжая смотреть на собственные сцепленные пальцы, словно в них крылся единственный ответ на всё происходящее. Никаких взглядов в сторону, никакого дешёвого любопытства.

Стулья с противным, режущим слух скрежетом оторвались от пола, и оба сели напротив. Только тогда я медленно поднял голову.

— Детектив Миллер, отдел убийств, — произнес старший, и его голос прозвучал так сухо, будто он зачитывал протокол на сотом допросе за эту неделю.

Младший откинулся на спинку стула, не сводя с меня тяжёлого, цепкого взгляда, изучая каждую деталь.

— Картер, — сухо бросил он в ответ.

Я изучал их молча. Раньше мне никогда не приходилось пересекаться с убойным отделом — мои дела решались в тишине кабинетов, а не в этих серых, пропитанных чужим отчаянием комнатах. Но систему я знал изнутри. Миллер — классический «тяжеловес», который берёт измором и монотонным давлением. Картер — моложе, резче, сейчас он наверняка цепляется за каждое моё микродвижение, выискивая трещину. Они работали как сложенный механизм, рассчитывая, что страх и стены сделают за них половину работы.

Миллер неторопливо положил на стол потёртую папку. Его взгляд был плотным, лишённым всяких эмоций — он не спешил начинать, давая тишине сделать своё дело. Лишь выдержав паузу, он наконец раскрыл её и перевернул первую страницу.

— Мистер Монро, — начал он, не поднимая на меня глаз. — В отчете офицеров, прибывших на вызов по адресу Лукер-стрит, 412, зафиксировано следующее: патрульные застали вас в гостиной. Вы сидели прямо над уже находящейся без сознания Грейс Монро, удерживая обеими руками рукоять ножа, который на тот момент был погружен в брюшную полость пострадавшей на полную глубину лезвия. На ваших руках и одежде были обнаружены обильные следы крови потерпевшей.

Она резко выбросила руку из-за спины. В полумраке блеснуло лезвие. Я бросился вперед, пытаюсь перехватить её запястье, но опоздал — удар пришелся точно. Она даже не вскрикнула, её колени подогнулись, и я, едва успев подхватить её, рухнул вместе с ней на грязный пол. Кровь хлынула мгновенно — горячая, липкая, заливающая мои пальцы и пропитывающая одежду. Я дернулся, инстинктивно пытаюсь вырвать нож, но тут же замер, впечатав пальцы в рукоять: если вытащить лезвие, она умрёт здесь и сейчас.

Грейс хрипела, воздух вырывался из её горла с глухим клекотом. Мои руки не слушались, дрожали так, что телефон выпал из кармана сам. Я с трудом нащупал его, нащарил вызов и бросил рядом на пол, включая громкую связь, пока из динамика уже доносился сухой голос диспетчера. Я прижал обе ладони к её животу, изо всех сил стараясь зажать рану вокруг рукояти, но кровь всё равно просачивалась сквозь пальцы. Она смотрела на меня, и в её затухающем взгляде не было ничего, кроме боли. Меня колотило крупной, неконтролируемой дрожью. Разум отрезал всё лишнее, оставив лишь липкий лихорадочный ужас и темное пятно, расползающееся по полу.

— Ваша версия событий, озвученная на месте, заключается в том, что потерпевшая нанесла себе ранение самостоятельно. Однако, согласно отчету парамедиков, в процессе транспортировки Грейс Монро пришла в сознание. Она была в критическом состоянии, но успела дать показания: нападавший — вы. Она заявила, что между вами произошел конфликт из-за

её намерений обнародовать некую информацию, после чего вы нанесли ей удар ножом, чтобы пресечь угрозу вашей репутации.

Картер молча положил на стол распечатку сообщения: *«Приезжай один. Ред-Хук, Лукер-стрит, 412. Ты ответишь за всё, что сделал Элиасу. И мне. Не звони мне. Просто приезжай. Если ты не приедешь, я расскажу всё. Один, Лиам. Только один».*

— Сообщение проясняет мотив, — вставил Картер. — Учитывая показания потерпевшей и физическое положение, в котором вас застала полиция, ваша версия о «самоубийстве» выглядит, мягко говоря, неубедительно.

Джулиан, сидевший рядом, отодвинул стул. Его тон был сухим и официальным, как на заседании суда.

— Детективы, на этом допрос окончен. Слова, якобы сказанные Грейс Монро в карете скорой помощи, — это заявления человека, находящегося в критическом состоянии, в состоянии болевого шока и неконтролируемого аффекта. Это не свидетельские показания, а субъективная интерпретация её бреда, полученная без возможности перекрестного допроса. Вы не можете использовать это как фундамент для серьезного обвинения.

Миллер едва заметно усмехнулся, глядя на моего адвоката без тени уважения.

— Мистер Локвуд, это стандартная процедура сбора первичных показаний, и мы имеем право приобщить их к материалам дела.

— Это психологическое давление, — отрезал Локвуд, обрывая его на полуслове. Он резко повернулся ко мне, в его взгляде читалось жесткое предупреждение: — Лиам, ни слова.

Он сжал мое плечо — его хватка была единственным, что связывало меня с реальностью.

— Детективы, если у прокуратуры есть основания для предъявления обвинений, мы встретимся в суде. В настоящий момент мой клиент воспользуется своим правом на молчание согласно Пятой поправке. Любые дальнейшие вопросы — через прокурора штата.

Миллер медленно закрыл папку. В его глазах не было разочарования, только сухая констатация факта. Он посмотрел на часы, а затем — на Джулиана.

— У вас есть пятнадцать минут, мистер адвокат. Потом оформляем его для перевода в окружную. Время пошло.

Детективы вышли, и комната словно сжалась. Джулиан тут же подался вперед, вцепившись в край стола. Я невольно дернул запястьями, чувствуя, как металл впивается в кожу — грубое напоминание о том, что статус адвоката остался по ту сторону этой двери.

— Лиам, — Джулиан понизил голос почти до шепота, — пятнадцать минут — это ничто. Слушай меня. Они ждут, что ты сорвешься. Если ты хоть раз заговоришь о том, что произошло на самом деле — ты подпишешь себе приговор.

Я медленно поднял взгляд. Его глаза, обычно расчетливые и холодные, больше не сомневались. Он не просто допускал — он был уверен, что это сделал я.

От этой мысли внутри всё оборвалось, а следом в груди поднялось глухое, тяжелое раздражение. Я подался вперед, заставив короткую цепь натянуться между руками.

— Ты действительно думаешь, что я мог всадить нож в собственную сестру? — мой голос прозвучал тихо, но каждое слово било наотмашь. — Оставь свои подозрения для присяжных. Грейс сама загнала лезвие в себя. Это был её способ закрыть вопрос. Она просчитала всё: время, место, мой приезд, реакцию полиции. Она сделала меня своим палачом, чтобы уничтожить всё, что у меня осталось. А ты вместо того, чтобы искать способы вытащить меня из этого ада, сидишь и препарируешь меня взглядом, ища признаки вины.

Я смотрел на него в упор, не давая отвести глаза.

— Локвуд, ты не видишь? Она хочет, чтобы я гнил в камере, а Эстер оказалась там же, где когда-то была она. Она хочет заставить меня пройти через тот же кошмар, в котором они с Элиасом прожили последние двенадцать лет.

Я сжал челюсть, чувствуя, как внутри закипает ярость — не на Грейс, а на свою слепоту.

— Эстер беременна, Джулиан. И я не могу допустить, чтобы эта грязь коснулась её. Убери её из эпицентра, слышишь? Огради её от всего этого дерьма: от допросов, от бесконечных судебных заседаний, от всей этой полицейской волокиты и шумихи. Ей нужно просто доносить этот срок, в тишине и спокойствии. Если она потеряет ребенка из-за всей этой грязи... я просто не вывезу.

Я опустил голову, уставившись на собственные сцепленные пальцы.

— Я просто хочу, чтобы она осталась целой. Больше мне ничего не нужно.

Джулиан потер переносицу двумя пальцами, прикрывая глаза, но тут же поднял на меня взгляд — в нем не осталось ни тени сомнения.

— Я и не винил тебя ни в чем, Лиам, — глухо произнес он, подавшись ближе. — И прекрасно всё понял. Сделай глубокий вдох. Она будет в безопасности. Прослежу, чтобы оставалась в стороне, пока ты не окажешься на свободе.

Он сделал паузу, возвращаясь в свою привычную холодную манеру:

— Я оформлю запрос на твой перевод в одиночную камеру, но пока тебя не перевели, не расслабляйся. В тюрьме округа ты — просто задержанный по делу о покушении на убийство первой степени. Не реагируй на провокации. Никаких имен, никаких подробностей дела, если окажешься в общей зоне. Понял? Мы во всем разберемся и всё исправим. Она твоя сестра, и как бы сильно она ни ненавидела тебя, она должна понять, каково это — ломать жизнь другому.

Джулиан развернулся и вышел, не оглядываясь. Через мгновение дверь открылась, и конвоир коротко кивнул, приглашая подняться.

Мы шли по коридору — мимо спешащих людей, мимо гула голосов, в котором я пока оставался лишь временным подозреваемым, чье имя еще ничего не значило для этого здания.

Когда тяжелая решетка камеры со звоном захлопнулась, внешний шум растаял за толстыми прутьями. Каменные стены давили на плечи, напоминая, как легко привычная жизнь рушится в один миг.

Я жил в иллюзии, что прошлое можно усыпить, а людей, которых я когда-то знал, — запереть в тени их собственных обид. Подобное заблуждение стало моей главной ложью.

Самоуверенная ошибка заключалась в том, чтобы просто смотреть, как Грейс ломается, и верить в возможность исправить всё на расстоянии. Первые признаки катастрофы игнорировались, а её ярость принималась за управляемое недовольство — вплоть до момента, когда реальность сомкнулась вокруг меня, доказав, что все эти годы лишь раздувался пожар, который в итоге и поглотил меня целиком.

Трещины в её душе следовало разглядеть ещё двенадцать лет назад. Понимание того, что никакие действия не способны заменить отнятое, должно было прийти намного раньше.

Она была готова умереть, лишь бы я на своей шкуре прочувствовал ту же агонию. Её целью было заставить меня стоять над её телом, чувствуя, как внутри выгорает всё, что я так тщательно оберегал. Она стремилась превратить меня в такую же пустую оболочку, в какую, по её глубокому убеждению, я когда-то превратил их двоих.

Статус лучшего адвоката страны и знание того, как устроена эта система, оказались бессильны. Я остался лишь человеком, который слишком поздно осознал: цена моего молчания стала моей персональной клеткой.

Глава 2.

Эстер

Music on: Chad Lawson, Judy Kang, Rubin Kodheli — Prelude in C Minor, Op. 28, No. 20 (The Chopin Variations)

Лифт, как назло, двигался слишком медленно. Я впила пальцами в телефон, чувствуя, как его корпус больно врезается в ладонь, а каблук нервно отбивал дробь по металлическому полу. Ещё этаж. Ещё несколько секунд.

В горле стоял тяжёлый ком. Я сглатывала его снова и снова, пытаюсь удержать рвущийся наружу крик. Только не здесь. Только не сейчас.

Наконец двери разъехались с сухим щелчком. Я вылетела в паркинг и тут же столкнулась с телохранителем, который попытался преградить мне дорогу.

— Мисс, вам нельзя...

Я даже не остановилась. Резко толкнула его плечом, сбивая с пути, и продолжила идти к внедорожнику, у которого уже ждали Эрик и остальные.

Мне было плевать, кто смотрит. Плевать, что они скажут. Мне нужно было только одно — как можно скорее оказаться там.

— Мисс Голдман, — Эрик остановился прямо передо мной, блокируя проход. — Настоятельно рекомендую вернуться в апартаменты. Мы владеем информацией о случившемся, и ваш выезд сейчас невозможен.

Я почувствовала, как внутри всё сжимается. Руки предательски дрожали, и я плотно скрестила их на груди, пытаюсь скрыть это, хотя ногти до боли впились в предплечья.

— Отойдите, — мой голос прозвучал резче, чем я ожидала. — Вы не имеете права меня здесь держать. Я еду к Лиаму. Немедленно.

Эрик даже не шелохнулся. Его лицо было непроницаемой маской.

— Прошу вас, сохраняйте спокойствие. Мне велено обеспечить вашу безопасность до выяснения обстоятельств. Сейчас вы не можете покинуть здание.

— Мне плевать на вашу безопасность! — я ударила его кулаком в плечо, но рука отозвалась резкой болью — он был твердым, как бетон. — Почему вы просто позволили ему уйти одному?! Вас наняли не для того, чтобы водить меня за ручку, а чтобы вы защищали его от любой угрозы! Вы — ничтожества, вы просто позволили ему попасть в ловушку!

Эрик выслушал тираду, не дрогнув ни единым мускулом. Его тон оставался сухим, профессионально отстраненным:

— Мистер Монро — наш клиент. Мы не имеем права препятствовать его действиям, если он обозначает границы своего пространства. Мы не могли пойти против его воли.

— Вы должны были настоять! Должны были пойти против его приказов, если видели, что он идет в неизвестность! — я почти сорвалась на крик, чувствуя, как от бессилия начинают дрожать губы. — Вы его бросили. Если бы вы просто были рядом, с ним бы этого не случилось. Вы хоть понимаете, что натворили?

— Мы прекрасно осведомлены о положении дел, — отчеканил Эрик. — Именно поэтому действуем строго по протоколу, составленному мистером Монро на такой случай. Мы только что связались с вашим отцом. Он уже в курсе происходящего и по прибытии будет участвовать в принятии дальнейших решений. До этого момента вы остаётесь в периметре квартиры. Это не обсуждается.

— Прикрываетесь моим отцом? — я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. — Вы... вы просто трусы, которые прячутся за своими протоколами. Мне не нужно ваше разрешение, чтобы выйти из здания. Если будете препятствовать, я вызову полицию.

Эрик даже не изменился в лице. Он смотрел на меня с тем же ледяным спокойствием, которое бесило больше, чем прямой отказ.

— И куда же вы поедете, мисс? Ночью? В таком состоянии? — его голос был ровным, лишенным и тени насмешки. — Мистера Монро переводят в окружную. Ваше появление там не поможет, а лишь создаст лишние проблемы для защиты. Дождитесь мистера Локвуда или вашего отца.

Я снова дернулась вперед, пытаюсь прорваться к машине, но Эрик и второй телохранитель синхронно перекрыли мне путь. Меня мягко, но очень ощутимо подтолкнули обратно в сторону лифта.

В этот момент в кармане пальто завибрировал телефон. Я быстро достала его: на экране светилось имя отца. Один из парней, стоявший ближе всех, сделал резкое движение, пытаюсь взять меня за локоть, но я с силой отдернула руку и сама шагнула обратно в кабину. Мужчина вошел следом, не теряя ни секунды, и приложил карту к панели управления, чтобы лифт поехал наверх.

Я, не обращая больше на этого идиота никакого внимания, нажала кнопку ответа.

— Эстер, милая, как ты? — голос отца звучал глухо, будто он говорил из другого мира.

— Папа, это всё ложь, — голос сорвался, превращаясь в жалобный шёпот. — Ты не должен верить ни единому слову из того, в чём его обвиняют. Он просто... не мог. Не мог так поступить.

Я судорожно вдохнула, чувствуя, как снова подступают слёзы.

— Скажи мне, что ты тоже это знаешь. Пожалуйста.

— Послушай меня, тебе сейчас нужно успокоиться, — он говорил медленно, с той невозмутимой уверенностью, которая всегда заставляла меня чувствовать себя маленькой девочкой. — Мы уже подъезжаем к ангарам. К рассвету будем у тебя. А ты, не глядя на этот кошмар, должна оставаться в квартире и не изводить себя. Подумай о ребенке, это сейчас самое важное.

Лифт дернулся и остановился. Двери с мягким шипением разъехались. Я вышла, не оборачиваясь, и, даже не глядя на телохранителя, бросила через плечо:

— Не смей входить за мной.

Я прошла в гостиную, чувствуя, как стены начинают давить сильнее обычного. Опустившись на диван, я снова прижала телефон к уху:

— Папа, ты так и не сказал... Ты веришь мне? Веришь Лиаму? Он никогда, слышишь, никогда бы не причинил вреда своей сестре. Это абсурд!

Отец на той стороне глубоко вздохнул, и этот выдох был тяжелее всех слов, что я слышала за день.

— Эстер, я верю. Лиам успел рассказать мне об их отношениях — все детали, все эти острые углы. Я уверен, что это какая-то нелепая, глупая ошибка.

На заднем плане послышался шорох, а затем голос отца, обращённый уже не ко мне:

— Вивиан, пристегнись.

Я замерла, только теперь понимая, что они уже в самолёте.

— Я сделаю всё возможное, чтобы помочь ему как можно скорее вернуться к тебе. Слышишь? Так что убери слезы, выпей воды и ложись спать. Увидимся утром. Я люблю тебя.

Я вытерла мокрую щеку и шмыгнула носом. Плечи немного расслабились, хотя сердце продолжало колотиться о ребра, как птица в клетке.

— Спасибо, папа, — прошептала я, чувствуя, как отчаяние на мгновение отступает. — Я тоже тебя люблю.

Я отключила связь и прижала холодный телефон к груди, глядя в окна. Ночной город за стеклом, с его приглушенными огнями и бесконечными тенями, теперь казался мне чужим и пугающе враждебным.

Поднявшись, я стянула с себя пальто, небрежно бросив его на край дивана, и тут же сбросила сапоги. Я подошла к кухонному островку, налила себе стакан воды и выпила его залпом, чувствуя, как ледяная жидкость обжигает горло. Но дрожь никак не уходила — она поселилась где-то глубоко внутри, в каждой клетке моего тела.

Оставалось лишь ждать. Ждать Джулиана и его ответов. Я должна знать, что именно там произошло и как всё исправить.

· ## ·

Я не заметила, как провалилась в сон. Очнулась от того, что в прихожей раздался едва уловимый гул: двери лифта разъехались с тихим шипением. Я резко села на диване, и дыхание сбилось от резкой, царапающей изнутри вспышки тревоги.

На пороге стояли Маркус и Джулиан. Они выглядели совсем не так, как я привыкла — привычная решимость и уверенность словно испарились, сменившись тяжелой, изматывающей усталостью.

— Здравствуй, Эстер, — первым нарушил молчание Маркус. Его голос звучал глухо.

Джулиан лишь коротко кивнул в знак приветствия. Он прошел в гостиную, небрежно бросил тяжелый кожаный портфель на кофейный столик и тяжело опустился на диван рядом со мной. Я подалась ближе, тесно прижимаясь к его плечу, и впиалась взглядом в его лицо.

— Ну же... скажи что-нибудь, Джулиан, — мой голос дрогнул, срываясь на мольбу.

Он медленно поднял на меня взгляд. Его глаза, обычно острые и внимательные, сейчас казались выцветшими от бессонной ночи.

— Ты должна знать главное: он этого не делал, — он сказал это тихо, но с такой твердостью, что у меня внутри что-то надломилось. — Грейс, похоже, окончательно слетела с катушек, раз решила на такую игру. Но я даю тебе слово: мы вытащим его. Это вопрос времени, а не возможности.

Я вспыхнула, чувствуя, как внутри закипает ярость. Его спокойная констатация фактов, эта юридическая отстраненность сейчас казались мне издевательством.

— Да я и так это знаю! — я почти выкрикнула, вскакивая с места. — Мне не нужны утешения, Джулиан, мне нужны ответы! Куда он поехал? Это Грейс прислала ему то чертово сообщение?

— Говори! Я имею право знать, во что он ввязался, — голос снова начал дрожать.

Маркус подошел ближе и остановился напротив, не сводя с Джулиана тяжелого, пристального взгляда. Тот тяжело выдохнул и повернулся ко мне.

— Да, Эстер. Она всё спланировала заранее, — его голос звучал сухо и четко, как при зачитывании материалов дела. — Она выждала момент, когда вы вернетесь, и заманила его в ловушку. Сказала приехать одному, без свидетелей. Какая идиотка... Хорошо хоть сама не отправилась на тот свет.

Он ненадолго замолчал.

— Сейчас у полиции есть всё: сообщение, отпечатки на рукоятке и её собственные показания. Ситуация сложная.

В глазах у меня внезапно помутилось, мир вокруг качнулся и поплыл серыми пятнами, но вовремя подоспевший Маркус успел перехватить меня под локоть, возвращая на мягкое сиденье дивана.

Я опустила голову на руки, лихорадочно пытаюсь уложить это в голове. Как можно так поступить с родным братом? Из-за чего? Вся эта ненависть казалась мне чем-то запредельным.

Не говоря ни слова, Маркус протянул мне граненый стакан с водой, и ледяная влага, обжигая пересохшее горло, лишь чуточку прояснила отупевший разум, позволив мне наконец поднять тяжелый, полный немого вопроса взгляд на застывших передо мной мужчин.

— Боже, он же там... — прошептала я, чувствуя, как внутри всё сжимается от ужаса. — Среди всех тех людей, среди настоящих преступников, убийц.

Джулиан положил ладонь мне на плечо — тяжелое, успокаивающее движение, но в его глазах читалась досада на самого себя.

— Эстер... Прости. Я не должен был вываливать на тебя все эти подробности, только сильнее тебя обеспокоил, а ведь я знаю о твоём положении, — он замолчал на секунду, сжав губы, и в его голосе проскользнула едва уловимая вина. — Сейчас твоя задача — отдыхать и беречь себя. Тебе нельзя переживать ни о чем. Ни о Лиаме, ни об этом деле.

— Как бы Лиам этого ни хотел, вы должны понимать: скрывая от меня правду, вы только делаете хуже, — я выпрямилась, чувствуя, как страх сменяется холодной решимостью. — Я здесь с ума схожу от неизвестности. Не вздумайте кормить меня пустыми утешениями. Скажите мне, что у вас есть план. Вы — лучшие, я должна знать, что вы делаете.

Джулиан на секунду перевел взгляд на Маркуса, и тот едва заметно кивнул, давая ему молчаливое разрешение.

— Через несколько часов у нас первое слушание по предъявлению обвинений, — Джулиан заговорил быстро и по делу. — Моя задача сейчас — добиться минимального залога или освобождения под «собственное обязательство». Я буду давить на его репутацию, прочные социальные связи и то, что он не представляет угрозы и не попытается скрыться.

Он сделал короткую паузу, собираясь с мыслями.

— Параллельно мы подаем официальный запрос на все материалы дела. Мне нужны записи с камер, отчеты парамедиков — нужно выяснить, была ли Грейс вообще в сознании, когда давала показания в скорой, или это был бред на фоне шока.

Я на мгновение прикрыла глаза, пытаюсь унять дрожь, пронизывающую всё тело.

— Хорошо, — выдохнула я, чувствуя, как внутри всё сжимается от тоски. — Скажите, когда я смогу его увидеть? И что я вообще могу сделать? Пожалуйста, скажите, чем мне помочь? Я не могу просто сидеть здесь и смотреть в окно, зная, что он там, в этом ... Это убивает меня!

Маркус, не сводя с меня внимательного, почти отеческого взгляда, шагнул ближе.

— Эстер, дорогая, послушай меня, — произнес он. — Если ты сейчас появишься в суде или попытаешься прорваться в тюрьму, ты окажешь ему медвежью услугу. Ты лишь сделаешь ему хуже. Лиам будет ненавидеть себя вдвойне — не за то, что попал в эту переделку, а за то, что втянул в неё тебя.

Он сделал короткую паузу, внимательно изучая мое лицо.

— Вместо того чтобы сосредоточиться на своей защите, он будет изводить себя мыслями о тебе: как ты, не слишком ли ты бледная, как переживаешь этот кошмар. Ты для него сейчас — самое слабое и самое ценное звено. Поэтому я настоятельно советую: оставайся здесь, или, что будет гораздо разумнее, уезжай в Сан-Франциско, будь с семьей, пока всё это не закончится. Я даю тебе слово — это не затянется надолго. Он вернется к тебе, Эстер. Позволь нам делать свою работу, чтобы он мог сражаться за свою свободу, не оглядываясь назад.

— Маркус, как бы сильно я тебя ни уважала, но не неси чушь, — мой голос дрожал, но в нём уже прорезались стальные нотки. — Я никуда не уеду. Моя семья скоро придет сюда. Я буду бороться за Лиаму, несмотря ни на что. Отец уже обещал помочь. У него достаточно связей и влияния, чтобы подключить нужных людей и разобраться в том, что на самом деле произошло.

Маркус тяжело вздохнул, не скрывая досады, но инициативу в разговоре перехватил Джулиан. Он подался вперед, его тон был не столько раздраженным, сколько предельно серьезным — тон человека, отвечающего за чужую жизнь.

— Эстер, ты даже не представляешь, какой это риск, — произнёс он жёстко. — Прокуратура — не частная лавочка. Если твой отец попытается надавить через свои связи, они только сильнее вцепятся в это дело. Лиам станет для них удобной мишенью — человеком, на котором можно показать, что никакое влияние не стоит выше закона. Они будут грызть его с удвоенной силой, лишь бы доказать свою принципиальность.

Он посмотрел на меня уже спокойнее.

— Сейчас ему не нужна публичная война с прокуратурой. Ему нужен человек, который сможет вытащить его оттуда, не заставив систему ещё сильнее настроиться против него.

Джулиан сделал короткую паузу, понизив голос до предупреждающего шепота:

— И не забывай, Венс все еще на свободе. Мы не знаем, как он отреагирует, когда узнает о случившемся. Если Грейс ему до сих пор дорога, он попытается добраться до Лиама через тебя — ты для него самая уязвимая цель. Поэтому оставайся здесь, в безопасности. Это сейчас единственное, что требует от тебя Лиам.

Я кивнула, признавая поражение. Спорить было бессмысленно, да и сил на это больше не оставалось.

— Хорошо, — тихо ответила я. — Вы можете остаться здесь, я могу сделать кофе...

Джулиан тут же покачал головой, даже не притронувшись к замкам портфеля, который только что бросил на столик, и поднялся на ноги.

— Нет, Эстер, нам нужно в офис, — перебил он жестко, но беззлобно. — Придется подключать всех, до кого сможем дотянуться, и поднимать старые связи. Мы не можем здесь рассиживаться.

Маркус, уже убрав телефон в карман, поддержал его тяжелым взглядом:

— И тебе нужно отдохнуть. Ты ведь наверняка нормально даже не поспала. Ложись, Эстер. Мы вернемся, как только появится хоть что-то конкретное.

Я проводила их взглядом, прислушалась к тому, как за ними глухо звякнули и разъехались створки лифта, и тяжело опустилась на опустевший диван. В гулкой тишине квартиры мне оставалось только ждать — ждать приезда родителей, ждать вестей от адвокатов и, затаив дыхание, ждать возвращения того, кого у меня отняли.

Глава 3.

Эстер

Music on: Alexandra Strélski — Élégie

Прошедшая без сна ночь превратилась в сплошное хроническое недосыпание, которое било по расшатанным нервам, заставляя мир вокруг казаться пугающе нереальным.

Мама, которая уже успела накрыть полноценный завтрак, буквально пыталась всунуть мне в рот хоть кусочек, но ком в горле не давал проглотить даже крошку. Я нервно грызла ноготь на большом пальце, не сводя глаз с окна. Каждую секунду я ждала звонка. Где-то там, в зале суда, решалась судьба Лиамы: останется ли он под стражей под напором прокурора или у Джулиана получится добиться освобождения под залог.

— Перестань, Эстер, — мягко, но настойчиво произнесла мама, пододвигая ко мне чашку. — Ты себя изводишь, а ребенок всё это чувствует. Поешь хоть немного и выпей чаю, я специально заварила тебе травяной, чтобы ты хоть немного успокоилась.

Я хотела возразить, что сейчас не время для еды, но в этот момент дверь в кухню тихо скрипнула. Отец, который до этого был занят напряженными разговорами по телефону, вошел в комнату. Он остановился за моей спиной и нежно, почти невесомо, погладил меня по голове — в этом жесте было столько спокойствия, что мои плечи на мгновение расслабились, хотя тревога лишь глубже пустила корни.

Однако секундное смягчение тут же сменилось суровой реальностью: отец обошёл стол и тяжело опустился на стул напротив меня.

— Эстер, слушай внимательно, — его голос звучал низко, с той властью, которая всегда внушала мне трепет. — Пока Джулиан и Маркус играют по закону в зале суда, я выстраиваю другую линию обороны. Я уже нанял лучших специалистов по антикризисному PR в стране.

Он сделал короткую паузу, глядя мне прямо в глаза.

— Они не просто работают с новостями. Они зачищают интернет. Любой слив, любая попытка СМИ превратить Лиаму в монстра пресекается на корню. Через пару дней в прессе Грейс Монро перестанет быть «жертвой» — она станет нестабильной женщиной с историей галлюцинаций и глубоких травм.

— Папа... — я уставилась на него.

Но он даже не изменился в лице.

— Мы не будем обвинять её напрямую. Мы просто дискредитируем источник. Присяжные ведь тоже люди. Они читают заголовки, смотрят новости, формируют мнение ещё до того, как услышат первое слово в суде. К началу процесса они уже должны видеть в Лиае человека, которого оклеветали.

— А если она действительно больна? — спросила я тихо.

Отец выдержал мой взгляд.

— Тогда мы просто покажем людям то, что они имеют право знать.

Я почувствовала, как внутри всё похолодело. Картина того, как они методично уничтожают репутацию другого человека — пусть даже Грейс, которую я сама ненавидела за всё это, — вызвала у меня приступ тошноты.

— Я не думаю, что Лиама будет в восторге от такой помощи. Он не такой человек. — Я посмотрела на отца, пытаясь осознать масштаб происходящего. — Я готова на всё, чтобы вернуть его, но разве нельзя защитить его, не уничтожая её?

Я медленно провела большим пальцем по костяшкам другой руки.

— Я не знаю... Я уже ничего не знаю. Мне плевать на имидж, на статьи, на эти ваши «грязные игры». Я просто хочу, чтобы он был дома. Чтобы это закончилось.

Отец наклонился ко мне, сцепив пальцы в замок. В его взгляде не было ни тени сомнения.

— Твой Лиам может позволить себе быть благородным только потому, что сейчас его руки связаны. Пока он там, за решёткой, я буду тем, кто испачкает руки, чтобы оставить ему чистое поле для защиты.

Он говорил совершенно спокойно, словно речь шла не о человеке, чью жизнь собирались раздавить газетными заголовками, а о ещё одном деле, которое нужно было довести до конца.

— Мы не просто дискредитируем Грейс. Мы создаём вокруг неё такой фон, при котором каждое её обвинение будут воспринимать через призму её прошлого и состояния. Когда Джулиан начнёт свою работу, прокурору уже будет сложнее опираться на общественное сочувствие к ней. Люди начнут задавать вопросы.

Я нервно закусила губу.

— Ты просила о помощи, — продолжил отец жёстко. — Вот она. Мы не можем позволить себе защищаться только там, где нас уже загнали в угол. Лиам вернётся домой только в том случае, если мы будем готовы бороться за него на каждом фронте.

— А теперь выпей чаю, — он откинулся на спинку стула и кивнул на чашку передо мной. — Нам нужно, чтобы ты была в адекватном состоянии, когда Джулиан позвонит.

Я опустила взгляд на чашку и обхватила её обеими руками. Но стоило мне поднести края к губам, как телефон на столе завибрировал. Я вздрогнула так резко, что чай перелился через край, обжигая пальцы. Схватив аппарат, я увидела на экране: *Маркус Гейтс*.

— На громкую, — отец, сидевший рядом, коротко кивнул, требуя ясности.

Я дрожащими пальцами нажала на кнопку и положила телефон прямо между нами.

— Маркус? — мой голос прозвучал неестественно тонко, почти срываясь.

— Эстер, — отозвался он не сразу. Голос у него был хриплым и заметно тише обычного. — Я вышел в коридор, чтобы поговорить без лишних ушей. Джулиан ещё там, с Лиамом. Всё прошло не так, как мы рассчитывали.

— Что случилось? — выдохнула я, чувствуя, как внутри всё обрывается.

— Прокурор оказался настоящим бульдогом. Он не стал церемониться — сразу пошёл в атаку. Джулиан был великолепен. Он подробно объяснил, что Лиам никуда не собирается бежать: здесь его бизнес, семья, вся его жизнь. Мы предложили солидный залог, готовность сдать паспорт, любые ограничения, которые потребует суд. Локвуд сделал всё, чтобы показать, что Лиам не представляет риска побега.

— И что судья? — мой вопрос потонул в тишине кухни.

— Прокурор просто разбил каждый наш аргумент, — Маркус на мгновение замолчал. — Он прямо заявил судье: «Ваша честь, обвиняемый — человек с огромными ресурсами. Для него миллион — не залог, а цена за свободу передвижения. Он может исчезнуть раньше, чем остынет кофе в вашем кабинете».

Я прикрыла рот ладонью.

— Он сделал упор на состоянии Грейс. Сказал, что она в критическом состоянии и что Лиам представляет для неё непосредственную угрозу. А потом напомнил о том, что у полиции уже есть всё, что работает против него: его руки в крови, нож в его руках, место происхождения, — Маркус замолчал. — Судья даже не стал долго совещаться.

— Его оставили под стражей? — я едва смогла выговорить эти слова.

— Да. В залоге отказано на данном этапе, — глухо произнёс Маркус. — Я видел его, когда его уводили... Он держался, Эстер.

— Мне очень жаль. Но я обещал тебе, что мы сделаем всё, чтобы его вытащить. И я сдержу своё слово. Мы ещё не закончили.

Отец, наблюдая за тем, как я с каждой секундой всё сильнее теряю контроль над собой, перехватил инициативу.

— Маркус, это Абрам Голдман, — отчеканил он, даже не дожидаясь ответа. — Когда назначили суд?

В трубке повисла короткая пауза — Маркус явно опешил от напора моего отца, но быстро взял себя в руки.

— Судья назначил следующее заседание на начало апреля, Абрам. Это формальность, чтобы проверить, как идет ознакомление с материалами. До даты самого суда нам еще бесконечно далеко — прокуратура только сейчас начала передавать нам первичный список улик, там работы на месяцы. Нас ждет долгая игра на истощение.

Отец нахмурился, его челюсть напряглась.

— Я тебя понял. Когда будет что-либо еще известно — звони напрямую мне. Эстер не нужны эти детали и разбирательства.

— Нет, папа! — я вскинулась, пытаюсь дотянуться до телефона, чтобы остановить его. — Маркус, не слушай его! Я должна знать всё, я...

Но Отец уже властным движением завершил разговор, нажав на кнопку сброса.

Вивиан, сидевшая рядом, осторожно коснулась моей руки. Я встретила с ней взглядом: в её глазах читалась немой укор и обида за то, что я снова оказалась в центре этой разрушительной бури, оставляя семью в стороне. Но в тот момент во мне не осталось сочувствия даже для неё.

Я резко убрала руку и поднялась из-за стола. Мои ноги казались ватными, но я не позволяла себе пошатнуться.

— Папа, верни мне мой телефон, — потребовала я, не глядя на него, хотя чувствовала на себе его тяжелый, оценивающий взгляд.

Он молча положил аппарат на стол прямо передо мной. Я схватила его и, не сказав ни слова, развернулась.

Зайдя в нашу с Лиамом спальню, я захлопнула дверь, отсекая от себя этот дом и этот разговор. В комнате пахло им. Моим родным, любимым запахом. Я опустилась на кровать, обнимая себя за плечи, и наконец позволила себе закрыть глаза, пытаюсь представить, что Лиам сейчас просто в другой комнате, а не за решеткой, где его медленно перемалывает бездушная машина правосудия.

· ## ·

Резкий, дребезжащий звук вырвал меня из тяжелого сна. В комнате уже сгустились сумерки, лишь узкая полоска закатного солнца пробивалась сквозь шторы, окрашивая всё вокруг в тревожный багровый цвет.

Ослепительный свет экрана заставил прищуриться, пытаюсь рассмотреть цифры. Незнакомый номер на дисплее заставил дыхание застрять в груди, а палец дрогнул, прежде чем провести по стеклу.

Я приняла вызов, и в ту же секунду из динамика раздался сухой, безжизненный механический голос робота:

— У вас входящий звонок за счет вызываемого абонента из окружной тюрьмы. Чтобы принять этот звонок, нажмите один.

Дрожащим пальцем я нажала на «единицу». На долю секунды повисла тишина, а потом в трубке раздался гул: шум голосов, какой-то лязг металла, чьи-то выкрики на фоне. Это звучало грязно и чужеродно — звук места, где он оказался против своей воли.

— Лиам? — мой голос сорвался, превратившись в хрип.

Тишина на том конце была короткой, я слышала лишь его сбивчивое дыхание сквозь шум.

— Любимая, — отозвался он. Голос звучал глухо, будто он закрылся рукой, чтобы его не слышали другие, но это был он — мой Лиам.

Я всхлипнула, прижимая телефон к уху так сильно, что край впился в кожу. В горле встал ком, и я просто не могла выговорить ни слова, только впитывала этот звук, осознавая, насколько невыносимо далеко он сейчас находится.

— Перестань, — в его голосе проступила жесткость, но за ней я отчетливо услышала мольбу. — Эстер, прошу, не надо. Этим ты убиваешь меня еще сильнее. Ты нужна мне сильная. Мне нужно знать, что ты держишься, что ты веришь, что я скоро буду дома.

Я зажала рот ладонью, пытаюсь сдержать рыдания, но они вырывались, как побои.

Он заговорил почти шепотом, прямо в трубку:

— Пожалуйста. Если не ради меня, то хотя бы ради того, что сейчас растет внутри тебя. Береги себя и ребенка. Это всё, что меня держит. Не думай о плохом, не представляй меня здесь. Я обещаю тебе, что вернусь. Я не знаю, сколько на это уйдет времени, черт возьми, я не знаю... но клянусь тебе, я вернусь.

Он сделал короткую паузу, словно боясь моего ответа.

— Ты мне веришь?

В комнате стало невыносимо душно. Я закрыла глаза, вцепившись пальцами в край простыни так сильно, что ногти болезненно впелись в ладони. Мне хотелось кричать, что я боюсь, что я ненавижу этот мир, что я не хочу ждать, но вместо этого я заставила себя выдохнуть.

— Верю, — голос дрогнул, но я собралась. — Я верю тебе, Лиам.

— Хорошо, — выдохнул он, и в этом звуке было столько облегчения, что у меня сжалось сердце. — Больше ничего не говори. Просто помни это. Я разберусь со всем, Эстер. Прости, что так ушел, ничего не объяснив. Прости меня... я не знал, на что иду.

Он сделал короткую паузу:

— Пообещай мне, что будешь беречь себя. Что будешь есть, будешь пить... — его голос стал непривычно тихим, интимным, будто он обращался к самой моей душе, минуя любые препятствия. — Просто продолжай жить, несмотря ни на что. И играй, Эстер. Просту тебя, играй для меня каждый вечер.

В памяти тут же всплыл образ нашей гостиной, залитой вечерним светом, и то, как он сидел на диване, прикрыв глаза, ловя каждый звук моего смычка.

— Я буду слышать тебя, — продолжал он, и от его голоса внутри всё отозвалось болью. — Больше мне ничего не нужно. Это единственное, что дает мне силы не сломаться здесь, любовь моя. Только ты. И твоя нота.

Я прижала телефон к губам, чувствуя, как внутри что-то надывается и одновременно обрывает смысл.

— Я буду, — прошептала я. — Я буду играть для тебя, Лиам. Каждую ночь.

Где-то на том конце раздался резкий зуммер, возвещающий о конце лимита времени. Связь оборвалась.

Я медленно разжала пальцы, отбросила телефон в сторону и, вытерев рукавом мокрые щеки, поднялась с кровати. В спальне было невыносимо тесно. Толкнув дверь, я вышла в гостиную.

Вивиян стояла у плиты, отец сидел за кухонным островом, о чём-то негромко говоря с ней. Они обернулись, заметив моё появление, но я даже не взглянула в их сторону. Прошла мимо, словно сквозь них, и остановилась у окна, где на высокой подставке ждала меня моя скрипка.

Ладонь легла на знакомое дерево. Тёплая гладкая поверхность отозвалась привычным ощущением, и вместе со скрипкой в руку лёг смычок.

Медленно развернувшись, я встала прямо напротив того места на диване, где всегда сидел Лиам.

Глаза сами закрылись. Суэта гостиной — звон посуды, приглушённые голоса отца и Вивиян — постепенно отступила, оставив после себя только собственное дыхание и тяжесть инструмента в руках.

Примечание автора: Включите Franz Schubert — Ständchen (Serenade), D. 957, No. 4 в исполнении Itzhak Perlman (скрипка) и Rohan de Silva (фортепиано). Пусть эта мелодия прозвучит вместе с Эстер — в тот момент, когда после всего сказанного ей остаётся только музыка.

Первый звук вышел едва слышимым, осторожным, словно даже ему было страшно нарушить эту тишину. Скрипка отозвалась тёплым, бархатистым голосом, и первая фраза мягко поплыла по комнате.

Музыка вела меня дальше.

Вся моя боль, весь невыплаканный ужас этого дня теперь превращались в звук. В каждом движении смычка было то, что я не могла сказать словами: страх, тоска, любовь и отчаянная надежда. Мелодия текла между ними, одна фраза рождала следующую, и на несколько минут мне удалось забыть, что Лиамы нет на том месте, напротив которого я стояла.

Стоило войти в основной мотив, как пространство вокруг исказилось.

Он был здесь.

Совсем рядом.

Подавшись вперёд, полуприкрыв глаза в том самом выражении глубокого, почти сакрального погружения. Напряжённые плечи, неподвижный взгляд, следящий за каждым моим движением. Таким я помнила его, когда музыка забирала меня целиком, а он смотрел так, будто боялся пропустить хоть одну ноту.

На самых тонких, пронзительных его голова едва заметно качалась из стороны в сторону. Он всегда смотрел на меня именно так, когда я позволяла струне звучать почти на грани — когда мягкий голос скрипки вдруг становился похож на человеческий стон.

А потом в музыке появлялась глубина — низкие, густые, бархатные звуки, сменяющиеся почти невесомой высотой. И вместе с ними исчезало последнее расстояние между нами.

Он был напротив.

И понимал каждое слово, которое я не смогла сказать.

Слёзы катились по щекам, заливая подбородник, но я лишь плотнее прижимала инструмент к ключице, впитывая его тепло. На очередном пассаже, где мелодия требовала предельной искренности, я глубже погрузила смычок в струны, выжимая из дерева весь тот гнев и отчаяние, что рвали меня изнутри. Это был не просто концертный номер — это был наш тайный диалог.

Каждое плавное скольжение пальца по грифу было моим касанием к его лицу, каждая струна — попыткой ощутить его кожу. Я играла на пределе возможностей, на пределе дыхания. Скрипка больше не была деревом и лаком; она стала моим оголённым нервом, натянутым через всё расстояние, что разделяло нас.

На кульминационном моменте, когда музыка достигла своего пика, я улыбнулась. Это была улыбка человека, который наконец нашёл единственно верный путь сквозь невыносимое. Я слизала солёную каплю с губ, чувствуя вкус собственной боли, смешанный со сладким привкусом музыки, и в этот миг позволила звуку плавно затихать, филигранно уводя его в шёпот, пока он не растворился в сумерках, как последние лучи заходящего солнца.

Я видела, как он улыбается мне в ответ — той самой редкой, предназначенной только мне улыбкой, — и в этот миг знала: пока звучит эта «нота», пока я высекаю этот звук из пустоты, он со мной.

Он слышит меня.

Глава 4.

Эстер

Music on: Samuel Barber — Adagio for Strings | Jove Simfònica Orpheus, Xavier Pardo Sabartés

Март растянулся в бесконечную череду одинаковых дней.

Утро сменялось днём, день — вечером, а ничего вокруг не менялось. Это было мучительное, пугающее ожидание. Я была заперта в четырёх стенах, лишённая возможности сделать хоть что-то, кроме как ждать апреля и первой статусной конференции. Если там не случится прорыва, Лиам останется за решёткой, а Грейс продолжит свою игру — и мысль о том, что эта разлука может затянуться ещё на долгие месяцы, была невыносимее всего.

Я три дня методично обрабатывала Эрика. Он не хотел в это лезть — в его обязанности входило оберегать меня от проблем, а не везти туда, где разворачивался процесс, который мой отец считал главной угрозой нашей семье. Но я знала, на какие рычаги надавить.

Сначала напоминала ему о его долге передо мной. Потом перешла к вещам, которые он уже не мог списать на обычное упрямство. В конце концов я дала ему понять: если он не поможет, я найду способ уехать одна. И тогда ответственность за любые последствия ляжет полностью на него.

Эрик сдался, хотя лицо его при этом оставалось каменным.

Мы договорились: отцу я скажу, что еду в академию на дополнительные занятия. Причин сомневаться у него не будет.

Эрик поедет со мной и будет прикрывать меня от лишних вопросов, но только до тех пор, пока наша вылазка останется тайной.

Никаких звонков Джулиану. Никаких предупреждений. Никаких вопросов, способных разрушить всё, что мы задумали.

Когда мы вошли в здание суда, внутри уже былолюдно. Эрик двигался впереди, не сбавляя темпа. Высокий, широкоплечий, с густыми тёмными волосами, которые он обычно зачёсывал назад, он заметно выделялся среди людей в костюмах. В его внешности было что-то спокойное и собранное: резкие черты лица, светлые глаза и выражение человека, который привык сначала замечать угрозу, а уже потом задавать вопросы.

Прокладывая мне путь сквозь толпу тех, кто собрался здесь не ради зрелища, а ради обсуждения профессионального краха, Эрик работал профессионально: не раздвигал людей грубо, но его присутствие само по себе создавало пространство вокруг нас. Я натянула кепку, стараясь максимально закрыть лицо, и следовала за ним, как тень.

Здесь не было никакой лишней драматики, только сухие, рабочие разговоры. Пресса и коллеги-адвокаты, пробиравшиеся к своим местам, обсуждали падение Лиамы Монро с профессиональным безразличием, будто речь шла об акции компании, упавшей в цене.

— Говорят, его сестра знала что-то из того самого дела, с которого он начал карьеру, — донёсся до меня тихий голос позади. — Слишком идеальная репутация для такого финала.

Я непроизвольно замедлила шаг, хотя Эрик едва заметно подтолкнул меня в локоть, требуя двигаться дальше. Мимо нас протиснулись двое мужчин в строгих костюмах — явно адвокаты, пришедшие сюда не столько по делу, сколько поглазеть на крах коллеги.

— Да брось ты, — ответил второй, его голос был суше, с нотками плохо скрытого злобства. — Иронично, правда? Мастер манипуляций, который всегда выходил сухим из воды, теперь сам оказался в ловушке. Но ты заметил, что творится в СМИ? Никакой травли, никаких заголовков о «падшем адвокате». Как будто его PR-команда вычистила интернет за одну ночь.

— Согласен, — усмехнулся первый. — Работают чисто. Раньше каждый второй таблоид полоскал его имя, а сейчас — тишина, зато про эту Грейс сливают столько грязи, что присяжным не позавидуешь. Похоже, у него очень дорогие «чистильщики».

Он ненадолго замолчал.

— Но в зале суда никакие деньги не помогут, если он не сможет объяснить, почему его собственная кровь пытается его уничтожить. Классический пример того, как человек, знающий законы, не смог навести порядок в собственном доме.

Я стиснула зубы до боли в челюстях, проходя мимо них. «Мастер манипуляций». Они не видели в нём человека, они видели лишь его провал и восхищались техничностью тех, кто прикрывал его тылы. Эрик, словно почувствовав моё состояние, ещё сильнее сократил дистанцию, создавая вокруг нас непроницаемый кокон. Мы пробились к самой последней скамье, где гул голосов наконец начал стихать, уступая место тяжёлой, давящей тишине зала.

Отсюда открывался прямой обзор.

Я замерла, и в этот момент весь шум зала — гул голосов, шорох бумаг, скрип скамей — просто перестал существовать.

Лиам сидел за столом защиты. Спина, плечи, привычный наклон головы, который я видела тысячи раз, — он был здесь, всего в нескольких метрах от меня. За этот месяц его волосы отросли, стали чуть небрежнее, и эта деталь вдруг ударила по мне сильнее всего: он был там, в изоляции, а я здесь, бессильная.

Перед глазами всё поплыло. Пальцы сами сжались, отчаянно требуя сделать то, что сейчас было невозможно: подойти, коснуться его плеча, вдохнуть его запах, просто обнять.

Но я осталась неподвижной, вжавшись в скамью.

Один мой неверный шаг, один неосторожный взгляд, пойманный объективами камер, — и я сама дам прессе повод превратить нашу боль в дешёвое шоу.

На нём был его пиджак. Джулиан заезжал ко мне накануне, чтобы лично забрать вещи Лиамы, и теперь, видя безупречную посадку ткани, я поняла зачем. Локвуд пытался изменить то, как его увидит судья: в этом костюме Лиам выглядел не как «номер в базе», а как адвокат, как человек, который ещё вчера сидел по другую сторону этого зала.

Холодный расчёт Джулиана был прост — напомнить всем, кем был Лиам до наручников. Битва за его образ шла полным ходом. Но для меня этот костюм был лишь ещё одним напоминанием о том, что Лиам находится по ту сторону барьера, отделяющего «нас» от «них».

Рядом с ним, как всегда невозмутимый, сидел Локвуд. За ними — Лукас и Маркус. Больше никого.

Я с облегчением выдохнула, увидев, что Дианы нет. Джулиан явно не посчитал её присутствие нужным, и это осознание принесло мне странное, почти интимное утешение — будто это место действительно оставили только для тех, кто имел значение.

Эрик встал за моей спиной, плотно перекрывая пространство, чтобы никто из проходящих мимо не мог подойти ближе, чем нужно. Я вцепилась в край скамьи, стараясь не выдать себя ни движением, ни дыханием, и начала сканировать первые ряды в поисках Грейс.

Но её там не было.

Разумеется, на таком заседании ей незачем было присутствовать. И всё же, вопреки здравому смыслу, я почему-то надеялась её увидеть.

В зале внезапно стих гул. Судья занял своё место, и тяжёлый удар молотка отозвался где-то под рёбрами.

Началось.

— Дело № 26-CR-0412, «Соединённые Штаты против Лиамы Монро». Адвокаты, представьтесь для протокола.

— Джулиан Локвуд, защита, Ваша честь. Со мной мой подзащитный, мистер Лиам Монро, — голос Джулиана прозвучал сухо и профессионально.

— Чарльз Уитмор, прокуратура.

Я впиалась ногтями в ладони. Лиам сидел абсолютно неподвижно, лишь его плечи казались неестественно напряжёнными.

— Мистер Уитмор, мы здесь для оценки прогресса по делу. Где мы находимся на стадии раскрытия материалов?

— Ваша честь, прокуратура завершила передачу материалов защите, — Уитмор говорил с пугающей уверенностью. — Мистер Локвуд получил копии отчётов полиции с места происшествия в Бруклине, протоколы допросов парамедиков, прибывших по вызову, и отчёт судебно-медицинской экспертизы по ножу, на рукоятке которого обнаружены ДНК-профили обоих участников инцидента. Также мы предоставили запись звонка в 911, сделанного самим мистером Монро.

Он сделал короткую паузу.

— Кроме того, к материалам приобщены свидетельские показания Грейс, подтверждающие, что мотивом конфликта стало её намерение предать огласке определённую информацию о мистере Монро. Согласно её показаниям, она использовала эту информацию, чтобы оказать на него давление. Мы готовы перейти к следующей стадии процесса.

От слов о ДНК мне стало трудно дышать. Каждый звук в зале казался оглушительным.

Джулиан медленно встал, поправляя пиджак.

— Ваша честь, защита категорически не согласна с тем, что стадия раскрытия материалов завершена. Мы получили доступ к документам, однако прокуратура продолжает удерживать критически важную информацию. Мы настаиваем на предоставлении полных медицинских карт Грейс Монро. Учитывая её состояние в момент инцидента, её психологический профиль и возможную интоксикацию, защита ставит под сомнение саму основу обвинения.

Уитмор, не скрывая сарказма, усмехнулся:

— Ваша честь, защита пытается превратить уголовное дело о покушении на убийство в психологический разбор личности потерпевшей. Грейс Монро — жертва нападения, а не подсудимая. Её состояние здоровья не отменяет того, что, по версии обвинения, у мистера Монро был прямой мотив — заставить её замолчать, устранив угрозу своей репутации.

— И в качестве «устранения» мой клиент сам вызывает скорую помощь и ждёт полицию? — Джулиан перебил его, и его тон стал резче. — Ваша честь, защита настаивает: это была личная вендетта со стороны Грейс Монро, основанная на двенадцатилетней обиде. Она манипулировала им, угрожала ему и в конечном счёте инсценировала покушение. Нам необходимы её медицинские карты, чтобы установить, в каком состоянии она находилась в момент произошедшего и могла ли объективно оценивать ситуацию.

Локвуд сделал шаг вперёд, его голос зазвучал требовательнее:

— Более того, Ваша честь, в свете этого я подаю устное ходатайство о пересмотре условий содержания под стражей. Мистер Монро находится в изоляторе уже месяц. Он не представляет угрозы, его паспорт сдан, он готов на любые ограничения. Содержание его под стражей до начала основного процесса неоправданно.

Уитмор резко вскочил со своего места:

— Ваша честь, мы категорически против! Обвиняемый — человек с глубокими юридическими связями и огромными ресурсами. Его мотив — страх разоблачения — делает его крайне опасным. Он уже пытался «заставить замолчать» свидетеля ножом. Что помешает ему сделать это снова, если он окажется на свободе? Залог не может быть предоставлен.

Судья посмотрел поверх очков. В зале на несколько секунд стало совершенно тихо.

— Мистер Уитмор, я хочу видеть медицинские карты потерпевшей. Если защита заявляет, что её состояние является ключевым аспектом дела, я не позволю прокуратуре это скрывать. У вас десять дней на предоставление этих данных.

Он перевёл взгляд на Джулиана.

— Что касается залога... Мистер Локвуд, при текущих доказательствах — наличии ножа, предполагаемого мотива и показаний потерпевшей — я не вижу достаточных оснований для изменения меры пресечения. Ходатайство о пересмотре залога отклонено.

В ушах зазвенело. *Отклонено.*

Я знала, что это возможно, но где-то глубоко внутри до последнего надеялась на чудо. Казалось, воздух в зале стал разреженным, и мне стало нечем дышать. Судья даже не дал ему шанса — просто оставил его там, запертым, наедине с этим кошмаром.

Джулиан замер на долю секунды. В его молчании было больше напряжения, чем в любой резкой реплике. Когда он наконец заговорил, голос прозвучал холодно и ровно:

— Мы подадим письменное ходатайство позже, Ваша честь.

— Это ваше право. Мистер Уитмор, мистер Локвуд, я жду график досудебных слушаний через три недели. Заседание закрыто.

Я смотрела, как судья уходит, и чувствовала, как внутри меня что-то окончательно гаснет. Три недели до следующего заседания, потом ещё столько же до следующего — это был не путь к правосудию, а способ медленно стереть его в пыль. Залог был нашей последней соломинкой, и теперь она сломалась.

Когда пристав подошёл к столу защиты и поднял Лиаму, я задержала дыхание. Всё во мне сжалось в одну-единственную, отчаянную мольбу. Я почти прошептала, едва шевеля губами:

Обернись, любимый... посмотри на меня.

Но Лиам даже не дрогнул. Он смотрел прямо перед собой, не позволяя ни одной эмоции проступить на лице. Только я знала, сколько усилий ему, должно быть, стоило удержать на лице это ледяное спокойствие.

Я смотрела ему вслед, пока пристав уводил его к выходу из зала.

Эрик внезапно коснулся моего плеча, и его пальцы сжались чуть сильнее, чем нужно.

— Пора, — негромко сказал он. — Пока тебя не заметили.

Я уже хотела обернуться, чтобы уйти, как в глубокой тени ниши у стены заметила её.

Грейс.

Она была почти неподвижна, спрятав лицо за тёмными стёклами очков, и казалась такой же холодной, как и всё вокруг. Но её взгляд был прикован к Лиаму. Она не сводила глаз с его спины, наблюдая за каждым движением пристава, будто смакуя момент его поражения.

Только когда Лиам скрылся из виду, она наконец развернулась и поспешила к выходу. В её движениях не было суеты — лишь ледяная решимость человека, чей план сработал безупречно.

Когда она направилась к дверям, я не выдержала. Вместо того чтобы следовать за телохранителем к боковому выходу, я прибавила ход, пробираясь через толпу к главному проходу.

Эрик мгновенно понял, что происходит. Он перехватил меня, встав передо мной широкой спиной, буквально пробивая путь сквозь зевак и журналистов. Я вставала на носочки, пытаюсь не упустить из виду её силуэт, и, когда она наконец вышла на улицу, я почти сорвалась на бег.

Грейс вышла на тротуар и сразу же подняла руку, ловя первое попавшееся такси.

— Скорее, садись! — крикнула я Эрику, добегая до нашей машины. — Видишь то такси? Езжай прямо за ним, давай!

Эрик подбежал к машине и потянулся открыть для меня заднюю дверь, но я уже обогнула его с другой стороны и распахнула переднюю.

Не дожидаясь его реакции, я запрыгнула на пассажирское сиденье.

Эрик обежал машину и сел за руль.

— Вы должны сидеть сзади, — отрезал он, заводя двигатель. — Это небезопасно. Меня уволят за такое нарушение.

Я вцепилась в край панели, глядя, как такси Грейс поворачивает за угол.

— Мне плевать, Эрик! — выпалила я, не отрывая взгляда от дороги. — Если я её потеряю, я лично прослежу за тем, чтобы тебя точно уволили!

Эрик чертыхнулся, сильнее сжал руль и бросил:

— Пристегнитесь, мисс.

Мы рванули с места, вклиниваясь в поток и совершая опасный манёвр. Погоня началась.

Мы неслись по городским улицам, едва не задевая зеркала соседних машин. Эрик уверенно держал дистанцию, умело прячась за другими автомобилями, чтобы жёлтое такси нас не заметило. Дорога пошла на подъём, и вскоре под колёсами глухо загрохотал металл — мы выехали на мост, с которого открывался вид на серую, холодную гладь реки.

Эрик бросил быстрый взгляд на приборную панель, где мигал значок навигатора, а затем перевёл его на меня. Он крепче сжал руль.

— Мисс, нам нужно немедленно вернуться домой, — твёрдо произнёс он, не сводя глаз с дороги. — Если ваш отец увидит по трекеру, куда я вас везу, меня не просто уволят. Я лишусь головы. Вы же знаете, как он контролирует каждый наш шаг.

Я вцепилась в край двери, чувствуя, как страх перед отцом отступает перед пониманием того, что сейчас стояло на кону.

— Эрик, послушай меня, — голос мой звучал пугающе спокойно, хотя сердце колотилось где-то в горле. — Это не прихоть. Это критически важно.

Такси впереди вильнуло, сворачивая в сторону промышленного района, где серые бетонные коробки складов сменяли жилые кварталы. Мы последовали за ним, ныряя в узкий переулок.

Я увидела, как он снова напрягся, но не отступила:

— Если отец спросит, я скажу ему, что сама тебя заставила. Я обещаю тебе: я сделаю всё, чтобы ты не лишился работы. Но если ты сейчас развернёшься, у нас не будет второго шанса. Лиам в тюрьме, а она... она единственный человек, который может всё это прекратить. Это важнее любых правил!

— Вы даже не понимаете до конца, во что втягиваете нас обоих, — тихо произнёс он, но его рука всё же легла на рычаг передач, готовясь к дальнейшему движению.

— Понимаю, — отрезала я. — Просто продолжай ехать.

Эрик сжал челюсть и вдавил газ. Машина рванула вперёд, зажимаясь в тени припаркованных фургонов. Мы были совсем рядом.

Такси остановилось у покосившегося кирпичного дома. По фасаду тянулись ржавые пожарные лестницы, а окна, заставленные горшками с увядшими цветами, казались слепыми глазами.

Грейс вышла, на секунду замешкалась, оглядываясь, и скрылась за тяжёлой обшарпанной дверью.

Я тут же рванула замок, чтобы выскочить, но дверь не поддавалась. Раздался резкий щелчок — Эрик заблокировал её.

— Ты что делаешь?! — я вцепилась в ручку, чувствуя, как внутри закипает ярость. — Открывай!

— Это небезопасно, — отрезал он, его лицо превратилось в каменную маску. — Мы не знаем, что нас ждёт внутри. Она может быть не одна. Я вообще не знаю это место, не знаю планировки, не знаю, где здесь выходы и куда отходить в случае чего. Я не соглашался везти вас в богом забытый район, а теперь вы хотите, чтобы я просто выпустил вас туда?

— Эрик, если ты не откроешь прямо сейчас, я клянусь, ты пожалеешь об этом больше, чем о гневе моего отца, — процедила я, глядя ему прямо в глаза.

— Теперь мы хотя бы знаем, где она, — он на секунду перевёл взгляд на здание. — Мы можем вернуться. В другой раз. С подготовкой. С людьми. Я не собираюсь рисковать вами только потому, что вы решили, что должны сделать это прямо сейчас.

— Другого раза может не быть.

Эрик замер.

На секунду его взгляд задержался на моём лице, будто он пытался понять, действительно ли я верю в собственные слова.

Затем он прикрыл глаза и шумно выдохнул, словно собираясь с силами перед прыжком в бездну. Ловко проверил кобуру под пиджаком, убедился, что оружие на месте, затем вынул пистолет и быстро проверил магазин. Разблокировав двери, он наконец посмотрел на меня.

— От меня ни на шаг. Поняла? Ни на шаг.

Я выскочила на тротуар, едва не споткнувшись о разбитый бордюр.

Атмосфера здесь была чужой и удушливой. Это был старый Бруклин, где время словно застыло в слоях пыли и копоти. Рядом на тротуаре сидели двое стариков в потёртых вязаных жилетах, играя в домино на перевёрнутом ящике; их тихий, ворчливый спор перекрывал шум редких машин. Чуть дальше группа детей носилась вокруг пожарного гидранта, их визги эхом отражались от исписанных граффити кирпичных стен. Пахло дешёвым мазутом, жареным луком и ещё чем-то затхлым — запахом дома, который давно забыл, что такое ремонт.

Эрик обогнул машину за долю секунды, оказавшись рядом. Он двигался бесшумно, взгляд постоянно скользил по окнам, выходам и случайным прохожим. Весь его вид говорил о готовности в любой момент закрыть меня собой.

— Не отставай, — процедил он, не глядя на меня, продолжая изучать вход, в который вошла Грейс. — И держись ближе к стене.

Мы подошли к дверям. Воздух в проёме казался ещё тяжелее, а каждый шорох в этом старом доме звучал как угроза.

Едва успели шагнуть в тускло освещённый вестибюль, как навстречу, тяжело ступая по скрипучим ступеням, показался грузный мужчина. На нём была засаленная рабочая роба, а от него тянуло резким, въедливым запахом перегара.

Эрик среагировал мгновенно. Он властным движением задвинул меня за спину, его рука уже лежала на рукояти пистолета, скрытого под пиджаком. Мужчина остановился в паре шагов от нас, прищурившись, и, качнувшись на пятках, хрипло спросил:

— Кого-то ищете, ребята?

Я выглянула из-за широкого плеча Эрика, стараясь придать голосу как можно больше вежливости и надежды:

— Да, мистер, нам бы не помешала помощь. Вы не знаете, в какой квартире живет женщина? Лет сорока, стройная, темные длинные волосы. Возможно, она недавно заселилась.

Я молилась про себя, чтобы это было её жильё, а не просто визит к кому-то из местных. Мужчина осклабился, обнажив щербатые зубы.

— Видел, как зашла. В одну из квартир. Знаете, мне-то не жалко рассказать, но я не особо люблю болтать про личную жизнь соседей... Мало ли, вдруг вы ищете её по недобрым делам.

Я быстро покачала головой, чувствуя, как время утекает сквозь пальцы. Толкнула Эрика в плечо.

— Дай ему денег, — прошептала я. — Я всё отдам.

— Чёрт, во что я влез... — Эрик глухо выругался.

Но всё же выудил бумажник и протянул мужчине деньги. Тот принял их, пересчитал, оглядел нас с ног до головы и довольно хмыкнул:

— Выглядите как люди в полном отчаянии. Но сейчас такие времена, всем нелегко, правда? Ещё пара бумажек была бы очень кстати... чтобы я окончательно забыл о своей щепетильности.

Эрик на мгновение замер. Вместо того чтобы сразу достать деньги, он медленно, демонстративно приподнял полу пиджака, открывая вид на кобуру. Его лицо стало ледяным, а взгляд — предупреждающим. Он добавил ещё две купюры, не сводя глаз с мужчины.

Тот мгновенно сник, кивнул, поняв намёк, и махнул рукой в сторону лестницы:

— Квартира 3-Б. Второй этаж, первая дверь слева, если подниматься по лестнице. Тут дом маленький, всего по две квартиры на этаже, так что не ошибётесь.

— Спасибо, — бросила я.

Мы двинулись дальше, не теряя времени. Эрик первым поднялся по скрипучим ступеням, внимательно проверяя каждый пролёт. Мы поднялись на второй этаж. В коридоре стояла давящая тишина, нарушаемая лишь гулом далёкого холодильника за одной из стен.

Эрик остановился у двери с криво прикрученной цифрой «3-Б» и, наклонившись к моему уху, произнёс тихо, но предельно жёстко:

— Слушайте внимательно: если я хоть на секунду почувствую угрозу или увижу намёк на ловушку, мы сразу уходим. Без споров. Это не обсуждается.

Я коротко кивнула, чувствуя, как пересыхает в горле. Эрик прижался спиной к стене рядом с дверью, занимая позицию сбоку от входа, и я, собрав всю волю в кулак, постучала.

Стук прозвучал глухо и тревожно в узком пространстве коридора. Теперь оставалось только ждать.

Дверь отворилась, и я напряглась так, что внутри всё отозвалось резкой, болезненной пульсацией — гораздо сильнее, чем то напряжение, которое я чувствовала от Эрика, когда он готовился выхватить оружие. Грейс стояла на пороге, небрежно облокотившись на дверной косяк. Она разглядывала меня сверху вниз, словно дикий насекомое. Её глаза — того самого пронзительного зелёного оттенка, который я так часто видела у Лиамы, — холодно блеснули с насмешкой.

Она растянула губы в приторной улыбке:

— А я всё думала, когда же маленькая мисс Голдман соизволит предстать передо мной.

— Грейс, — мой голос дрогнул, но я взяла себя в руки. — Я могу с вами поговорить? Пожалуйста.

Она медленно оторвала руку от косяка и отступила, приглашая меня войти. Я сделала шаг, и Эрик тут же двинулся следом, но Грейс преградила ему путь, небрежно коснувшись ладонью его груди.

— Нет, парень. Разговор между девочками. Понимаешь?

— Это исключено, — Эрик мгновенно напрягся, его лицо окаменело. — Я не позволю ей остаться с... вами наедине.

Грейс лишь хмыкнула и, не сводя с него глаз, приподняла край свитера. На животе виднелась пропитанная антисептиком повязка.

— Смотри, здоровяк. Разве я сейчас в состоянии что-нибудь поднять, кроме чашки кофе?

Эрик оставался непреклонен, его взгляд скользил по каждому дюйму комнаты за её спиной.

— Ладно, — выдохнула она с досадой. — Но стой в прихожей. Это максимум, на что я согласна.

— Эрик, жди здесь, — тихо попросила я.

Он стиснул челюсть так, что желваки заиграли на скулах, но подчинился. Оставшись в прихожей, он начал внимательно осматривать каждый угол, не выпуская Грейс из поля зрения.

Мы прошли вглубь. Жильё оказалось крохотной студией, где гостиная, спальня и кухня были свалены в одну кучу. Здесь не было откровенной разрухи, но всё казалось каким-то сдавленным: старые, выцветшие обои, дешёвая мебель, купленная явно на распродаже, и стойкий запах недорогого чая и аптечных лекарств. Окно выходило во двор-колодец, и дневной свет сюда почти не пробивался, оставляя комнату в вечных сумерках. Это было место, где жизнь явно не блистала красками.

Грейс рухнула на диван, тяжело выдохнув от боли. Заметив, как я озираюсь, она насмешливо прищурилась:

— Что, наследнице великой империи претит находиться в столь захудалом месте? — Она лениво вытянула ноги. — Могу поспорить, ты впервые в таких условиях.

Я потупила взгляд, глядя в пол. Она была права, и это осознание больно кольнуло. Но разве это была моя вина? Моя жизнь всегда была отгорожена от реальности стенами особняка и приказами отца.

— Ну так о чём ты хотела поговорить? — Грейс подалась вперёд, и её улыбка стала ещё более хищной. — У тебя есть пять минут, пока твой цепной пёс не решил, что я слишком долго дышу в твою сторону.

Я сделала шаг вперёд, сокращая дистанцию до минимума. Открытое презрение Грейс больше не заставляло меня съёживаться. Я смотрела ей в глаза, стирая с лица остатки привычной вежливости.

— Я хочу во всём разобраться, — мой голос прозвучал на удивление ровно, без дрожи. — Грейс, расскажи мне правду. Что на самом деле произошло между тобой и Лиамом? Прошу тебя.

Она нервно дёрнула плечом, демонстративно отвернувшись к мутному стеклу окна.

— Я уже всё рассказала полиции, — отрезала она, не глядя на меня. — Второго круга не будет. С меня хватит этого цирка.

Я подошла ещё ближе, почти вплотную.

— Но это ложь, — тихо, но твёрдо произнесла я. — Он бы никогда так не поступил. Грейс, разве ты не понимаешь, к чему это приведёт? К чему приведёт твоя слепая ярость?

Её лицо исказилось от внезапной боли — она резко поднялась с дивана, вцепившись пальцами в забинтованный живот, и, преодолевая слабость, шагнула мне навстречу. В её взгляде было что-то настолько яростное и чужое, что я невольно затаила дыхание.

— А это теперь мне решать, что ложь, а что правда! — её голос сорвался на хриплый шёпот. — Никто, слышишь, никто в этом мире не изменит моего решения. Он ответит за всё, что сделал... и за всё, чего *не* сделал. Так что ты зря пришла.

Я не отступила. Злость внутри меня наконец прорвала плотину.

— Ты совершаешь огромную ошибку, — отчеканила я. — Ни один человек не заслуживает того, чтобы его гноили за решёткой за то, чего он не совершал. А я знаю, что он не виноват. Ты мстишь ему только потому, что он не смог спасти Элиаса от тюрьмы? Но разве Лиам был виноват в том, что твой жених решил нарушить закон? Разве Лиам заставлял его переступить черту?

Я видела, как она сжимает зубы, но продолжала. Слова уже сами рвались наружу:

— Почему ты пытаешься сделать его соучастником? Это был выбор Элиаса, только его. И Лиам не должен до конца своих дней искупать вину за твой гнев, только потому, что ты решила назначить его козлом отпущения!

Грейс издала горький, надломленный смешок, в котором не было ни капли веселья — только усталость и обида, накопленные за годы. Она тяжело оперлась на спинку кресла, чтобы удержаться на ногах, и впиалась в меня взглядом.

— Ты ни черта не знаешь, — процедила она сквозь зубы. — Ты рассуждаешь как богачка, которая видела жизнь только из окна лимузина. Ты понятия не имеешь, почему Элиас поступил так, как поступил. Он не заслуживал тех десяти лет, что у него отобрали. Но продажная фирма Лиам просто уничтожила его. Они сожрали его с потрохами, чтобы выслужиться перед нужными людьми.

Она резко шагнула вперёд, игнорируя боль в животе, и остановилась почти вплотную ко мне.

— У Элиаса не было выбора, Эстер. Его прижали к стенке. Те люди... они угрожали его жизни. Лиам мог хотя бы попытаться разобраться, понять, что происходит, но он выбрал карьеру, а не справедливость. Так что не смей читать мне лекции о законе, о котором ты не имеешь ни малейшего представления.

Она с силой оттолкнула меня от себя — не настолько, чтобы причинить боль, но достаточно, чтобы унижить. Её тон стал ледяным, пропитанным ядом:

— Ты пришла сюда, чтобы обвинить меня во лжи? Серьёзно? Ты и твой драгоценный Лиам — вы те, кто лжёт, вы те, кто подставляет людей ради своей выгоды. Твой отец с Лиамом купили все новостные каналы, чтобы превратить меня в посмешище. Они поливают меня грязью, называют наркоманкой, кричат на всех углах, что я невменяемая и мне место в психушке, а не в зале суда. А теперь ты, «благородная» Эстер, являешься на порог и пытаешься «разобраться»? Ты просто пришла проверить, достаточно ли успешно они меня уничтожили.

В дверях на секунду мелькнул силуэт Эрика. Его рука уже лежала на рукояти пистолета, а взгляд сканировал комнату в поисках угрозы, но я едва заметно качнула головой, давая понять: я справлюсь сама.

Эрик замер, но не ушёл, оставаясь тенью в дверном проёме.

Грейс заметила это движение. Она медленно отошла от меня к столу, с каким-то механическим спокойствием налила себе воды и уставилась в мутное окно, за которым виднелась глухая кирпичная стена соседнего дома. Её плечи опустились, а голос стал тише, почти лишившись прежнего яда.

— Вы отобрали у меня всё, — произнесла Грейс, не глядя на меня. — Ты думаешь, я презираю Лиаму лишь потому, что он не защитил Элиаса на суде? Потому что просто стоял в стороне?

Она резко обернулась. В её взгляде больше не было прежней насмешки.

— Нет, Эстер. Всё гораздо хуже. Именно Лиам сдал его полиции. У них не было ни единой зацепки, ни одного доказательства, указывающего на виновных. Элиас был там с группой людей, но вышли почему-то только на него. Никто, кроме Лиамы, не мог знать об этом, потому что именно он — своими руками — подвёл Элиаса к этому поступку. Он толкнул его на это, а потом хладнокровно подставил, вычищая себе путь к успеху чужой жизнью.

Она на секунду замолчала.

— Лиам всегда был эгоистом. До мозга костей.

Она сделала рваный вдох, сжимая пальцы в кулаки.

— А когда Элиас вышел на свободу, он не пришёл ко мне. И я уверена — это снова дело рук Лиамы. Он нашёл способ запретить Элиасу приближаться ко мне. Ему нужно было «чистое» окружение, безупречный имидж. Чтобы в его блестящем резюме случайно не мелькнуло имя парня с тюремным прошлым, который мог бы напомнить миру, чьей кровью был оплачен его успех.

Она сделала глоток воды, и рука заметно дрогнула.

— А потом появилась ты, — произнесла она, и в голосе больше не осталось прежнего яда. — Твои игры в том проклятом доме, где, по твоим словам, Элиас удерживал тебя... Теперь он вынужден бегать от полиции, как затравленный зверь. Вы сделали всё — абсолютно всё, — чтобы окончательно перечеркнуть наше будущее и сделать так, чтобы он больше никогда ко мне не вернулся. Вы растоптали то немногое, что у нас оставалось, и даже не обернулись, чтобы посмотреть, что от нас осталось.

Она поставила стакан на стол с тихим стуком.

— Вы не заслуживаете ни грамма счастья, Эстер. Так что просто смиришься. Лиам сядет, это вопрос времени. А ты... ты останешься одна. И поверь, это будет самым справедливым финалом этой истории.

Я сделала шаг вперёд, сокращая расстояние. По щекам покатались слёзы — горячие и совершенно бесполезные.

— Грейс, прошу тебя... остановись, — ещё минуту назад мой голос звучал твёрдо, а теперь в нём не осталось ничего, кроме мольбы. — Можно же выбрать другой путь.

— Эстер, нам пора, — голос Эрика прозвучал из дверного проёма, сухой и жёсткий. — Твой отец... ситуация меняется. Нам нужно уходить. Сейчас же.

Я даже не обернулась.

— Я дам тебе денег... — слова посыпались торопливо, одно за другим. — Столько, сколько нужно. Я всё отдам. Я выйду к журналистам и скажу, что всё, что они сейчас транслируют — что ты «невменяемая», что ты «наркоманка», — это грязная ложь, которую купил мой отец. Я выступлю с заявлением, что это была нелепая ошибка. Никто никогда не посмеет обвинить тебя в чём-то ещё. Я всё улажу...

В этот момент завибрировал телефон Эрика. Он бросил короткий взгляд на экран, и его лицо мгновенно стало каменным. Он сделал шаг в комнату.

— Эстер, довольно! — отрезал он, не давая мне закончить. — Всё кончено. Нам надо немедленно уходить!

Я прижала руки к животу, игнорируя его, и посмотрела на Грейс:

— Я жду ребёнка, Грейс. Умоляю, не лишай его отца. Я знаю, что ты прошла через ад, но разве твоя боль станет меньше, если ты сейчас сломаешь ещё одну жизнь? Пожалуйста... не отнимай у моего ребёнка будущее.

Грейс резко развернулась. В её глазах, ещё секунду назад холодных, вспыхнула такая ярость, что я не успела даже охнуть. Стакан, который она держала, с силой полетел в мою сторону — я едва успела отклониться, и он с оглушительным звоном разлетелся вдребезги о стену прямо у меня за спиной.

Эрик возник рядом мгновенно. Он рванул меня за плечо, заслонил собой и выставил оружие в сторону Грейс.

— Не смей... не смей говорить мне о своём ребёнке, дрянь! — Грейс сорвалась на крик, переходящий в хрип. Она тяжело дышала, вцепившись в край стола. — Ты никчёмная эгоистка! Ты даже не представляешь, о чём несёшь!

Её голос дрожал от сдерживаемой истерики:

— У моего ребёнка не было будущего. Я потеряла его в тот же день, когда Элиасу вынесли приговор. Так что благодари Бога, что сердце твоего ребёнка ещё бьётся! Когда у моего не было даже шанса, — она сорвалась на надрывный, почти животный вопль. — Убирайся! Слышишь? Пошли вон отсюда! Сейчас же!

Эрик, даже не дав ей договорить, жёстко перехватил меня за локоть и поволок к выходу. Я почти не чувствовала пола под ногами.

Мы выскочили на улицу. Жаркий воздух обжёг лёгкие. Эрик, не сбавляя шага, толкнул меня на заднее сиденье машины и сам прыгнул за руль, на ходу выкрикивая что-то в телефон. Его голос был резким и отрывистым, но я не слышала ни слова. В ушах всё ещё стоял голос Грейс — голос женщины, чья душа была выжжена дотла.

Раньше я видела в ней лишь сломленную горем, потерявшую рассудок женщину. Мне казалось, она задыхается от крушения своего мира, безумно и слепо виня в случившемся своего родного брата, — упорно закрывая глаза лишь на одну правду: на вину самого Элиаса.

Но теперь всё изменилось.

Грейс ждала ребёнка.

Это осознание ударило сильнее любого физического удара. Лиам знал. Он знал всё, но не сказал мне ни слова о том, что помимо потери любимого человека Грейс потеряла ребёнка и всю надежду на счастливое будущее.

Я сидела в машине, вцепившись пальцами в край сиденья, и чувствовала, как тяжесть внутри становится почти невыносимой. Теперь я знала, что стояло за её ненавистью. И не могла просто отвернуться.

Меня разрывало надвое: одна часть хотела крикнуть Эрику, чтобы он остановился, вернуться к Грейс, найти способ помочь ей, хоть немного облегчить её страдания. Другая понимала: любое решение в её пользу может стоить свободы моему собственному любимому.

Я оказалась зажата между двух огней. И эта беспомощность была страшнее любого крика.

Глава 5.

Эстер

Music on: Alexandra Stréliski — Air de famille

Механическое гудение лифта раздражало. Каждая секунда подъёма казалась бесконечной, а к горлу всё ещё подкатывала тошнота после разговора с Грейс. Эрик стоял за моей спиной, неподвижный, как статуя, и этот его жёсткий контроль над ситуацией бесил меня больше всего.

— Эрик, — я не стала оборачиваться, вглядываясь в своё отражение в полированном металле дверей. — Тебе не обязательно провожать меня до самой двери. Я в безопасности, дальше я справлюсь сама.

— У меня прямой приказ — доставить тебя в квартиру, — раздражённо ответил он, забыв о привычной официальной дистанции. — И мне придётся объясняться за то, что я нарушил протокол безопасности, позволив тебе совершить это безумство. Я пошёл на поводу у твоих прихотей, наплевав на собственные правила.

— Как же я устала от вас всех... — я приложила ладонь к горящему лбу и закрыла глаза.

Лифт издал короткий сигнал и остановился. Мы вошли в прихожую, и я сразу почувствовала, как воздух здесь буквально искрит от напряжения. С порога стало понятно: отец уже знал, что в академии меня не было.

Джулиан и Маркус в гостиной замерли, вжавшись в кресла, будто пытаясь стать невидимыми. Отец, стоя в центре комнаты, даже не заметил нашего появления. Он был полностью поглощён разговором с начальником охраны.

— Ваш человек абсолютно не справляется с обязанностями, — проговорил отец. В его голосе не было истерики, лишь холодная, тяжёлая угроза. — Я предельно ясно обозначил его задачу: сопровождать мою дочь и обеспечить её безопасность. Как, в таком случае, он позволил ей оказаться в месте, которое не имело никакого отношения к академии? Вы вообще понимаете, что он не просто нарушил протокол — он полностью утратил контроль над ситуацией?

— Папа, — тихо позвала я.

Отец резко развернулся. Его взгляд, полный подавляющего контроля, вонзился в меня.

— Где ты была, Авиталь? — он сделал шаг в мою сторону. — Ты дала слово, что будешь в академии. Объясни мне немедленно, как ты оказалась в этом богом забытом районе. Что ты там забыла?

Я стянула с головы кепку, чувствуя, как пальцы едва заметно дрожат. Я не была настроена на спор, но и молчать сил не осталось.

— Перестань, — я прервала его, выдохнув слова вместе с остатками самообладания. — Хватит отчитывать и меня, и охрану. Если мне нужно в Бруклин, я поеду в Бруклин. Я не собираюсь каждый раз отчитываться перед тобой за каждый свой шаг. Я давно не ребенок. А про академию сказала лишь для того, чтобы ты лишний раз не переживал, а не для того, чтобы запрашивать разрешение на выход.

Отец вспыхнул. Вся его прежняя сдержанность исчезла, и он резко выбросил руку в сторону коридора, указывая на выход.

— Вон! — рявкнул он на начальника охраны и Эрика. — Ты уволен, парень. С тобой покончено. Убирайся с глаз долой, пока я не вызвал полицию!

Эрик, чьё лицо превратилось в каменную маску, и начальник охраны молча развернулись. Их шаги гулко прозвучали по паркету, пока они не скрылись в лифте. Двери закрылись, и отец тут же переключился на меня.

Его глаза, лишённые даже намёка на теплоту, впились в моё лицо.

— Ты совсем не понимаешь всей серьёзности ситуации? В какие игры ты играешь? — он сделал угрожающий шаг ближе. — Еще раз спрашиваю: что ты там забыла?

Я молча прошла мимо него к кухонному островку. Руки дрожали так сильно, что пришлось обеими вцепиться в столешницу. Я налила воды и сделала несколько глотков.

Джулиан и Маркус подались вперёд. Они не сводили с меня глаз, и их взгляды были тяжелее отцовских.

— Я говорила с Грейс, — сказала я. — С Грейс Монро.

Джулиан резко вскочил, и на его лице одновременно вспыхнули ярость и растерянность. Для него, как для адвоката Лиамы, эти слова прозвучали как катастрофа.

— Ты что, с ума сошла, Эстер?! — его голос сорвался на хрип. — Ты вообще осознаешь, что ты наделала? Любой контакт с потерпевшей сейчас — подарок для обвинения. Прокуроры только этого и ждут, чтобы выставить Лиаму манипулятором, который пытается давить на свидетеля через других людей.

Он нервно прошёлся по комнате, жестикулируя так, будто пытался собрать разлетающиеся в разные стороны доказательства.

— Теперь они могут заявить, что Лиам замешан в запугивании потерпевшей. Ты понимаешь, что каждое твоё слово теперь могут обернуть против него? Ты сейчас не помогла ему, ты сделала всё, чтобы суд лишил его шанса на минимальный срок!

Я медленно поставила стакан на стойку и подняла взгляд на Джулиана. Боль от недавнего разговора всё ещё пульсировала внутри, но теперь её вытеснила холодная, горькая решимость.

— Ты обещал добиться его свободы, Джулиан, — мой голос прозвучал тихо, но отчётливо в наступившей тишине. — О каком «минимальном сроке» ты вообще говоришь? Всё, что вы делали до этого момента, — методичное уничтожение Грейс. Выставляли её безумной, эмоционально нестабильной, очерняли её имя перед всем Нью-Йорком. Вы не защищаете Лиаму. Вы лишь окончательно убеждаете Грейс в том, что она права, идя против собственного брата.

Я на секунду замолчала, но тут же продолжила:

— Я пыталась поговорить с ней, чтобы уладить всё по-человечески, внутри семьи, и не выносить этот кошмар за стены дома.

Маркус поднялся и положил тяжёлую руку на плечо взбешённого Джулиана, призывая его к спокойствию. Затем перевёл взгляд на меня.

— Как ты вообще её нашла, Эстер? — тихо спросил он. — Даже мы не знали, где она прячется всё это время после того, как её выписали из больницы.

Я выдержала его взгляд и ответила коротко:

— Мы с Эриком проследили за ней после того, как она покинула здание суда.

Отец замер, глядя на меня долгим, тяжёлым взглядом. В нём уже не было прежней ярости — только усталость человека, который привык держать всё под контролем и вдруг обнаружил, что теряет его там, где меньше всего ожидал.

— Ты что, была на слушании? — спросил он, и в его голосе впервые прозвучало настоящее непонимание. — В месте, где каждый второй — папарацци, жаждущий хоть какой-то крупницы этой истории? Ты не просто солгала мне. Ты подставила всех нас под удар, который мы можем не выдержать. Как ты могла так рискнуть?

Я почувствовала, как окончательно исчезают последние силы на спор. Осталось лишь глухое, изматывающее ощущение, что отступать уже некуда.

— Я хочу помочь Лиаме, пап, любым доступным мне способом, даже если ради этого придётся предать твоё доверие. Неужели ты правда думаешь, что после всего, что сейчас происходит, я смогу просто сидеть здесь и ждать, пока его жизнь окончательно разрушат? И если тебя так волнует моя репутация, то зря. Мне никогда не было до неё дела. Все эти годы ты сам решал, какой меня должны видеть люди, выстраивал вокруг меня этот безупречный образ,

скрывая от всего мира любую сторону моей жизни, которая могла его испортить. Ты делал это не ради меня — тебе самому было спокойнее знать, что никто не сможет до меня добраться. Так что не говори мне сейчас о том, чем я рискую. Если ради Лиамы придётся разрушить всё, что ты так тщательно создавал вокруг меня с рождения, я это сделаю.

Я слотнула, чувствуя сухость в горле, и продолжила, уже тверже:

— И насчёт Эрика. Ты не можешь его уволить. Он человек Лиама. Его просьба быть рядом со мной, пока он не вернётся, не даёт тебе права перекраивать его штат под свои нужды. Эрик остаётся. А если ты его выставишь — я просто откажусь от любой охраны.

Отец медленно закинул руки за голову, пальцы глубоко ушли в волосы. Он закрыл глаза и тихо прошептал что-то, похожее на молитву, словно пытался хоть немного успокоиться. Он сдерживался, стараясь не сорваться, но мне уже было всё равно. Боль, которую я носила в себе после разговора с Грейс, сделала меня почти невосприимчивой к его авторитету.

Я перевела взгляд на Джулиана. Усталость навалилась такой тяжестью, что каждое движение давалось с трудом.

— Лиам передал, когда сможет позвонить мне? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Джулиан, всё ещё не отошедший от нашего спора, слегка смягчил взгляд и кивнул:

— Да. Он обещал выйти на связь сегодня вечером.

Я коротко кивнула. В голове тут же начали выстраиваться вопросы, один за другим. Нужно было заранее понять, о чём можно говорить с Лиамом, а о чём лучше промолчать, чтобы не встревожить его и не поставить под угрозу его положение ещё сильнее. Цена моей ошибки стала слишком высокой, и я не имела права позволить себе слабость, когда придёт время этого разговора.

С этой мыслью я, не оглядываясь на остальных, медленно направилась к себе в комнату, уже мысленно готовясь к разговору с человеком, которому сейчас требовалось от меня спокойствие, а не слёзы.

· ## ·

Шесть часов вечера. Время тянулось бесконечно, превращая каждую минуту в пытку. Я сидела на кровати, плотно обхватив колени руками, и буквально гипнотизировала экран телефона, моля его о признаках жизни. Тишина в комнате давила, но я боялась даже пошевелиться, чтобы не пропустить этот долгожданный звук.

Раздался осторожный стук, и тут же приоткрылась дверь. В проёме показалась Вивиан.

— Любимая, ты отдыхаешь? — её голос прозвучал тихо, почти вкрадчиво.

Увидев, в каком я состоянии, она не стала ждать ответа. Вошла, плотно прикрыла за собой дверь и, подойдя к кровати, опустилась на край. В нос тут же ударил резкий, въедливый аромат её духов — слишком тяжёлый, совсем неуместный сейчас. Комната всё ещё хранила едва уловимый запах Лиама, и мне было физически больно от того, как другой аромат бесцеремонно его вытеснял.

Я подняла на мать глаза, чувствуя, как внутри всё напряглось.

— Я жду звонка, — сухо отозвалась я. — Ты что-то хотела?

Вивиан положила прохладную ладонь мне на колено, вынуждая меня расслабиться и перестать мелко дрожать.

— Эстер, ты себя изматываешь, — её тон был полон участия, которое сейчас раздражало сильнее всего. — Когда ты в последний раз ела?

— Я в порядке, — отрезала я, тут же переводя взгляд обратно на безмолвный экран телефона.

Вивиан тяжело вздохнула, и её рука на моём колене сжалась чуть сильнее, уже не так бережно, а с лёгким нажимом, словно пытаюсь вернуть меня в реальность.

— Нет, ты не в порядке, и это видят все, — её голос стал жёстче, и в нём проступили нотки той властности, которую она так долго пыталась скрывать. — Если ты не позволяешь нам о тебе заботиться, позаботься хотя бы сама о себе. Ты носишь ребёнка, Эстер. Твой страх, твоя усталость — всё это сказывается и на нём. Тебе давно нужно было записаться на приём, но ты всё откладываешь. Нам нужно убедиться, что с вами обоими всё хорошо.

Я вздрогнула, услышав это «нам», но взгляда не отвела. Внутри всё сжалось от одной мысли, что кто-то другой — не Лиам — будет рядом.

— Я пойду к доктору только с Лиамом, — мой голос прозвучал на удивление твёрдо, хотя горло сдавило спазмом. — Только с ним.

Вивиан на мгновение замолчала. Её взгляд стал непроницаемым, а рука медленно соскользнула с моего колена. Она явно подбирала слова, стараясь скрыть раздражение, которое вызывала моя непоколебимость.

— Эстер, ты сейчас живешь в мире иллюзий, — тихо произнесла она, и в ее тоне промелькнула холодная жалость. — Лиам может не успеть, обстоятельства меняются, а твой срок... время не ждет. Мы просто хотим убедиться, что ты не подвергаешь ребенка опасности из-за своих принципов.

Я почувствовала, как внутри закипает глухое сопротивление. Ее забота, приправленная этим приторным запахом духов, казалась мне удушающей клеткой.

— Я подожду его, — отрезала я, снова уставившись на черный экран телефона. — Столько, сколько потребуется. Если он обещал — он будет.

Телефон завибрировал прямо передо мной на складках покрывала. Номер округа.

Я перевела взгляд на мать, и голос прозвучал жёстче, чем я ожидала:

— Оставь меня. Сейчас же!

Вивиан побледнела, но не проронила ни слова; лишь молча поднялась и вышла, прикрыв за собой дверь. Я едва дождалась, пока щёлкнет замок, прежде чем судорожно нажать на ответ и приложить телефон к уху.

— Эстер, милая? — его голос, хриплый и низкий, прорезался сквозь помехи.

Глаза мгновенно защипало. Я закусила губу до боли и сделала глубокий вдох, стараясь удержать подступившие слёзы. Никаких слёз. Только не сейчас. Я не имела права показать ему, насколько близка к тому, чтобы сорваться.

— Лиам, — выдавила я, стараясь сделать голос ровным и твёрдым.

— Прости, что так долго не выходил на связь, — он говорил тихо, и в каждом слове чувствовалась усталость человека, который несколько ночей почти не спал.

— Всё нормально, — ответила я, глядя в стену и крепче прижимая телефон к уху. — Я понимаю. Если бы ты только позволил мне приехать к тебе...

— Это исключено. Ты не переступишь порог этого места.

Я молчала, чувствуя, как от вибрации динамика по щеке пробегает лёгкая дрожь.

— Сегодня снова не вышло с залогом, — добавил он, и в этой короткой фразе было столько безнадёжности, что у меня перехватило дыхание. — Мне жаль, Эстер. Нам придётся ещё немного подождать.

— Я говорила с ней.

На том конце повисла напряжённая тишина, прерываемая лишь гулом помех.

— Что? О чём ты?

— Я знаю, что не должна была. Просто... давай не будем сейчас называть имён.

— Ты не должна была этого делать, — он шумно выдохнул, и я представила, как он закрывает глаза, пытаясь сдержать гнев.

— Почему ты не сказал, что она обвиняет тебя не только в том, что ты не защитил его на суде? — выпалила я, чувствуя, как внутри закипает протест. — Она утверждает, что ты

причастен к его аресту. Что именно ты сдал его полиции. Что именно ты помог им выйти на него.

— Я не знаю, о чем ты, Эстер. Я этого не делал, — в его голосе проступила резкая, колючая честность. — Да, я знал, что он мог быть замешан, но я не был уверен. Я бы никогда его не предал. Полиция сама вышла на него. Они обыскали мастерскую — я видел отчеты, у них были все основания. Он попал на камеру.

— Ты уверен? Ты видел записи? Мог ли кто-то другой, кто владел этой информацией, воспользоваться ею?

— Нет. Это невозможно. Я не понимаю, с чего она вообще так решила. Это какой-то бред, Эстер. Она бросала мне эти обвинения, но я никогда не придавал им значения — я считал их беспочвенными.

Он замолчал, и я услышала, как он тяжело, со свистом втянул воздух, словно каждое следующее слово давалось ему с трудом.

— В конце концов, все десять лет, что он находится за решёткой, я нанимал лучших адвокатов, чтобы подавать апелляции на его приговор, — продолжил Лиам чуть охрипшим голосом. — Я лично вникал в дело, правил стратегии, тратил огромные суммы... Но на него повесили слишком много. К тому же его поведение в тюрьме... он сам не давал нам ни малейшего шанса добиться сокращения срока. Я сделал всё, что было в моих силах.

— Она убеждена, что ты причастен к тому, что он не вернулся к ней после освобождения, и уверена, что ты ему угрожал, — произнесла я, чувствуя, как внутри всё сжимается.

Лиам ответил мгновенно, и в его голосе снова прозвучали привычные стальные нотки — уверенный тон мужчины, знающего цену своим словам.

— Это абсурдно, Эстер. Зачем бы мне все эти годы пытаться вытащить его оттуда, чтобы после освобождения просто гнать его прочь? Всё это время речь шла только об одном — вернуть его в семью. Когда он вышел из тюрьмы, он просто пропал. Два года ушло на поиски, но в итоге выяснилось, что он сменил имя. Почему он не вернулся домой — не знаю. Правда, не знаю об этом ровным счётом ничего.

— Я верю тебе, — прошептала я, и слеза, которую я так старательно удерживала, наконец скатилась по щеке. — Ты же знаешь это?

— Почему тогда ты задаешь эти вопросы?

— Потому что хочу понять, насколько глубоко всё зашло, почему она так поступила и как это исправить.

— Эстер, послушай, — он говорил быстро, почти умоляюще. — Ты здесь ни при чем и не должна влезать в это дело. Прошу тебя, оставайся в стороне. Это единственное, что поможет мне сохранять рассудок в этом месте. Пообещай мне.

— Лиам, — я горько усмехнулась, чувствуя, как сердце сжимается от собственного бессилия. — Я не могу тебе этого пообещать. Предложив мне выйти за тебя, ты полностью привязал меня к себе.

— Да, я знаю, — он замолчал на секунду, и в его молчании я почувствовала такую боль, что мне самой стало трудно дышать. — Но ты носишь нашего ребенка. Я не могу допустить, чтобы с тобой или с ним что-то случилось. Это меня убьет. Я просто не могу...

— Со мной все будет в порядке, — тихо, но твердо произнесла я. — С нами все будет в порядке, Лиам. Я обещаю тебе.

На какое-то время в трубке повисла тишина. Я слышала только его тяжелое, прерывистое дыхание, словно он пытался унять дрожь в груди и принять мои слова, в которых было больше решимости, чем он хотел бы слышать.

— Хорошо, — наконец отозвался он, и этот выдох прозвучал почти как капитуляция перед моей упрямостью. — Я хочу тебе верить.

Затем его тон резко сменился, становясь собранным и холодным, как в зале суда.

— Джулиан знает об этом?

— Да, — ответила я. — Он уже предельно ясно объяснил мне, чем для нас это может обернуться.

— Он... он не был с тобой груб?

Я горько усмехнулась, глядя в окно на серый пейзаж.

— Лиам, я сильная. Я знаю, как разговаривать с властными мужчинами.

На том конце послышался короткий, почти болезненный смешок.

— Да, я знаю об этом.

Он замолчал, и на мгновение в трубке стало так тихо, что я услышала стук собственного сердца.

— Я так люблю тебя, мисс Голдман.

— Жду не дождусь, когда ты начнёшь называть меня миссис Монро, любимый, — прошептала я, чувствуя, как по щекам снова текут слёзы.

— Я тоже, — ответил он, и в его голосе было столько тоски и нежности, что у меня перехватило дыхание. — Я тоже.

Я медленно опустила телефон. Комната снова погрузилась в тишину, и без его голоса она казалась особенно пустой.

Лиам всё ещё там, за бетонными стенами, а я здесь. И впервые за всё это время я ясно понимала: отступить уже не получится. Я не знала, чем всё закончится, но знала одно — я не оставлю его там.

Глава 6.

Лиам

Music on: James Blake — Say What You Will

Дверь с лязгом отворилась, и меня втолкнули внутрь. Сотрудник охраны, даже не взглянув на меня, захлопнул тяжёлую створку, оставив в коридоре гулкое эхо.

Комната была типичной: стены цвета грязной извести, стол и два стула, намертво привинченные к бетонному полу. В воздухе стоял резкий запах отбеливателя, лишь частично перебивавший затхлость помещения.

Джулиан уже ждал меня. Он сидел неподвижно, скрестив руки на груди. Его костюм, как всегда, был безупречен — идеальная посадка, ни одной лишней складки. Тщательно уложенные волосы, лёгкая намеренная небритость — всё в его виде напоминало о мире, где ещё существовали порядок и контроль.

Контраст с моим отражением в мутном стекле двери был почти издевательским. Щетина превратилась в колючую, неопрятную бороду, волосы спутались, а роба висела мешком.

Я опустил на стул напротив него, стараясь не выдать, как сильно ноют мышцы после сорока минут ожидания в «отстойнике». Джулиан долго молчал, не сводя с меня глаз. Его взгляд был тяжёлым — таким смотрят на человека, который только что поставил под угрозу то, что ещё вчера казалось вполне контролируемым.

— Ты в курсе, что твоя невеста вытворила вчера? — его голос прозвучал тихо, но в нём чувствовалась сталь.

Я медленно кивнул. Эстер не из тех, кто отступает, даже когда вокруг всё начинает рушиться.

Джулиан подался вперёд, впившись в меня взглядом.

— Значит, она тебя посвятила. Лиам, ты хоть понимаешь, чем это может для нас обернуться? Если выяснится, что она пыталась подкупить свидетеля, против неё самой могут возбудить дело. А меня? Меня дискредитируют как адвоката, который не способен контролировать даже ближайшее окружение своего клиента. Всё, что я делал, чтобы вытащить тебя отсюда, может оказаться напрасным. Почему ты такой спокойный, Монро? Ты вообще осознаешь, насколько всё серьёзно?

Я медленно поставил локти на стол, сцепив пальцы. Локвуд видел только последствия, тогда как я уже начинал понимать, куда всё это ведёт.

— Я прекрасно осознаю все риски, — ответил я, понизив голос до вкрадчивого, уверенного тона. — Однако на текущий момент это единственный рычаг давления, который у нас остался.

— О чем именно ты говоришь? — Джулиан нахмурился.

— Давай будем реалистами: текущая доказательная база против меня выглядит монолитной, и наше положение фактически безнадежно. Мое единственное окно возможностей — это убедить Грейс в ошибочности ее обвинений. Я признаю свою вину в том, что двенадцать лет назад не оказал должной поддержки, но по всем остальным пунктам мы обязаны восстановить объективную картину.

Джулиан выдержал паузу, оценивая серьезность моих слов.

— Чего конкретно ты от меня требуешь?

— Мне нужны полные данные об основаниях, на которых полиция инициировала обыск мастерской Элиаса. Попытайся истребовать всю информацию в официальном порядке, чтобы я мог доказать Грейс отсутствие моей причастности к его аресту.

Джулиан несколько секунд молча смотрел на меня, явно не ожидая такого поворота.

— Если законные каналы будут перекрыты — вызывай Брукса. Пусть он получит доступ к ордерам и записям с камер, которые фигурировали в отчётах двенадцатилетней давности. Я хочу лично удостовериться в их подлинности.

Я сделал короткую паузу.

— И последнее. Подними все контакты Элиаса за последний период его заключения. Мне нужно понять, кто именно повлиял на его решение исчезнуть, а не вернуться к Грейс, и каким образом он получил поддельные документы, не имея при этом никаких финансовых ресурсов.

На несколько секунд повисло молчание.

— Ты осознаёшь, что это звучит как бред? — наконец резко произнёс Джулиан. — Как эти данные помогут нам в суде? Твоя сестра одержима своей версией событий, и никакие архивные выписки не изменят её убеждений. Ты заставляешь меня тратить время на бессмысленную ретроспективу, когда мы должны сосредоточиться на защите.

Его слова задели меня сильнее, чем я ожидал. Джулиан видел в происходящем дело, доказательства и процессуальные риски, тогда как для меня за всем этим стояла жизнь моей сестры, которую я не сумел защитить.

— Моя сестра потеряла жениха и ребёнка. Её жизнь превратилась в руины, и она винит во всём меня, — я сделал паузу, чувствуя, как внутри нарастает тяжёлое, тягучее чувство ответственности. — Я сделал непростительно мало, чтобы вытащить Элиаса.

Джулиан резко перебил меня, не скрывая раздражения:

— Лиам, хватит. Ты сделал всё, что позволял закон. Элиас принял это решение сознательно. Если бы он пошел на сделку, раскрыл имена сообщников и указал местонахождение украденного — которое, кстати, до сих пор не найдено — он бы отделался тремя годами. Но он выбрал молчание, защищая неизвестно кого.

— А что, если ему угрожали? — я стиснул зубы, и мой голос стал тише, но в нем прорезалась жесткость. — Что, если он защищал не их, а Грейс? Его могли запугать. Это единственное логичное объяснение, которое связывает всё воедино.

— Работай, Джулиан, — я подался вперед, впиваясь в него взглядом. — Если это выходит за рамки твоих возможностей — вызови Маркуса или Холта. Я не намерен пассивно ждать приговора, опираясь на твои второсортные аргументы об угле проникновения ножа или «психической нестабильности» моей сестры. Это стратегия неудачника, она не сработает. И передай Голдману: пусть немедленно прекратит эту грязь в прессе. Я не давал согласия на дискредитацию Грейс. На сегодня всё.

Я поднялся, и в этот момент тяжелая дверь с лязгом отворилась. Прежде чем сделать шаг навстречу охраннику, я обернулся к побледневшему Джулиану.

— Как Эстер вышла на Грейс?

Локвуд сглотнул, собираясь с духом.

— Она проследила за ней после вчерашнего суда до её новой квартиры в Бруклине.

Я едва заметно улыбнулся и коротко кивнул, протягивая запястья для наручников. Мысль о том, что вчера Эстер была со мной в одном помещении — совсем рядом — на мгновение заполнила всё пространство, вытесняя запах тюремной сырости.

· ## ·

Я знал, что Джулиан не пойдёт на контакт с Бруксом. Локвуд был воплощением юридического пуризма: для него существовали только закон и безупречная процедура, а методы Кейдена вызвали откровенное профессиональное отвращение. Он считал Брукса цифровым наёмником, не брезгующим грязной работой, и никогда бы не стал обращаться к нему за помощью.

Это и было моим преимуществом.

Когда время на звонки было официально одобрено, я подошёл к таксофону и набрал номер, который помнил наизусть. Короткие гудки, щелчок — и в трубке раздался знакомый хриплый голос.

— Монро? Надеюсь, это ты. В этом месте у меня не так много абонентов, чьи номера я бы хотел видеть на экране.

— Кейден, к чёрту любезности. У меня мало времени. Мне нужна услуга.

— Знаешь, — Кейден хмыкнул, и я услышал шорох — вероятно, он крутился в своём кресле перед мониторами, — всё, о чём ты просил меня последние два года, официально проходит по статье «лучше бы я этого не слышал». Ты уверен, что мы сейчас выбираем правильные выражения?

Я прикрыл глаза. Брукс был прав: телефонные линии здесь — открытая книга для любого, кто умеет читать.

— Мы обсуждаем детали моей защиты, Брукс. Не усложняй, — мой голос оставался холодным и размеренным. — Мне нужны архивы по делу двенадцатилетней давности. Элиас Венс, восемьдесят четвёртого года рождения. В первую очередь — копии запросов на обыск мастерской, которые были поданы тогда.

Я сделал короткую паузу, оглядываясь по сторонам. Коридор был пуст.

— Найди того, кто инициировал обыск, и подними перечень всех оснований, переданных следствию. Оформи это как обычный запрос в рамках подготовки моей текущей линии защиты. Никакой суеты. Пусть выглядит как сухая архивная работа, которая интересна только тем, кто её выполняет.

— Двенадцать лет? — Кейден хмыкнул, и в его голосе привычная хрипотца смешалась с недоверием. — Лиам, ты издеваешься? Эти папки давно пылью покрылись. Поднимать такое старьё — тот ещё гемморой.

— Просто сделай это, — я понизил голос, сохраняя бесстрастный тон. — Мне нужны имена, основания и всё, что легло в основу того дела.

— Понял, — Кейден недовольно вздохнул, но спорить не стал. — Покопаюсь в этом дерьме.

— Я внесу тебя в список посетителей. Как только всё вытянешь, приезжай сюда с полным отчётом.

— Сделаю.

— Постарайся. Мне нужна только информация, без лишнего внимания к нам обоим.

Я положил трубку, не дожидаясь ответа. Теперь оставалось ждать. Кейден знал, что делать, а мне оставалось надеяться, что найденные им материалы помогут восстановить картину того, что произошло двенадцать лет назад, и наконец дать Грейс ответы, которых она так долго не получала.

· ## ·

Прошло три дня. Три дня мёртвой тишины — от Джулиана не было ни вестей, ни новых встреч. Это молчание начинало давить сильнее, чем стены этого блока. Когда мне сообщили о визите Брукса, я сразу понял, что он наконец-то принёс то, чего я ждал.

Я вошёл в комнату свиданий и увидел его. Кейден сидел за стеклом, развалившись на стуле в своей привычной манере: кожаная куртка, взъерошенные волосы, татуировки на шее, скрывающие старые шрамы. Он выглядел здесь так, будто зашёл перекурить в холле отеля, а не в комнату для свиданий в тюрьме строгого режима.

Я подошел к месту, опустился на холодный металлический стул и прижал трубку к уху. Кейден сделал то же самое, его взгляд был тяжелым и оценивающим.

— Выглядишь паршиво, Монро, — его голос, пробивавшийся сквозь помехи связи, звучал глухо, но всё так же язвительно.

Я подавил желание сжать трубку так, чтобы она треснула.

— Мне абсолютно безразлично твоё мнение о моём внешнем виде, Кейден. Всё, на чём строятся наши с тобой отношения, — твои навыки и мои вложения в твой проект. Не больше. Поэтому избавь меня от своих оценок и сосредоточься на том, ради чего я тебя сюда вызвал.

— Ну, я вижу, это место лишь закрепило твоё презрение ко всему миру, — Кейден раздраженно хмыкнул, глядя на меня через стекло. — Мишель едва меня выпустила, Лиам. Мне пришлось потратить кучу сил, чтобы убедить её, что я еду сюда ради дела, а не по доброй воле. Она сейчас в таком состоянии, что если бы я взял её с собой, она бы просто разнесла это место по кирпичику.

Внутри меня закипала ярость. Я едва сдерживал себя, чтобы не сорваться на крик, который тут же привлек бы внимание охраны.

— Тогда переходи к делу. Не испытывай мое терпение.

Он усмехнулся, глядя на меня в упор, и заговорил сухо, вываливая информацию, которую накопал.

— В общем, я изучил те ордера и отчеты детективов, которые ты просил. И знаешь что? Я нашел любопытные вещи. Несколько документов по уровню достоверности явно не бьются друг с другом. В первом материале, послужившем основанием для ходатайства о выдаче ордера, прямо зафиксировано: «идентификация подозреваемого, Элиаса Венса, осуществлена по данным видеофиксации с камер наблюдения терминала Western Gate». Они утверждали, что он был четко опознан на записи в момент инцидента.

— А во втором? — я прищурился, вглядываясь в его глаза.

— А во втором, который — если смотреть по времени регистрации в канцелярии — был подан даже раньше первого, всё уже выглядит иначе, — Кейден перехватил трубку поудобнее, его голос стал жестче. — Там указано: «в ходе оперативного контакта получены показания свидетеля, подтверждающего присутствие Венса Элиаса в терминале и его роль в качестве организатора хищения с предоставлением сведений о локации похищенного имущества». Они просто путаются в хронологии и основаниях. Версии не сходятся, Лиам. Они переписали историю на ходу, когда поняли, что одного только «свидетеля» для серьезного ордера будет недостаточно.

— Имя, Кейден, — я крепче сжал пластиковую трубку. — В протоколе должно быть имя. Кто именно дал показания?

Брукс на мгновение замолчал. Он медленно провёл рукой по лбу, скорее по привычке, чем от волнения.

— А вот и самое интересное, — произнёс он наконец. — Раз ты спрашиваешь, то, по всей видимости, Локвуд от тебя это скрыл.

— Что именно? — в горле у меня встал тяжелый ком.

— В материалах указано, что сведения о Венсе следствие получило от представителя вашей фирмы, Монро, — произнёс он ровным, почти равнодушным тоном. — Сам документ оформлен на бланке «Монро, Локвуд и Гейтс».

Я оторвался от края стола и замер. Я ошарашенно смотрел на него, пытаюсь осознать масштаб услышанного.

— Какого хрена, Брукс? О чем ты говоришь? Кто поставил подпись?

— Их подписал Локвуд, — Кейден даже не моргнул, его голос оставался холодным и четким. — Джулиан сдал Элиаса, Лиам.

Он сделал короткую паузу, внимательно глядя на меня.

— Почему он тебе об этом не сказал? Ты ведь имел право это знать. Или я что-то неправильно понимаю в том, как вообще строятся ваши отношения с партнёрами?

Я замер на несколько секунд, переваривая услышанное. Внутри всё клокотало от ярости, но поверх неё уже проступало холодное, отрезвляющее понимание предательства.

— Как выйдешь отсюда, набери Локвуду, — процедил я, глядя Кейдену прямо в глаза. Голос звучал низко и жёстко. — Скажи ему, что он должен быть здесь. Немедленно. И пусть берёт с собой Гейтса. Мне нужно, чтобы Маркус присутствовал при нашем разговоре.

Не дожидаясь ответа, я положил трубку на рычаг и поднялся. Стул с визгом отодвинулся по бетонному полу. Не оглядываясь, я направился к выходу, чувствуя на затылке тяжёлый взгляд Кейдена.

#

Я вошёл в комнату для свиданий. Маркус уже сидел за столом, сосредоточенно изучая бумаги, а Джулиан стоял в стороне, прислонившись к стене и скрестив руки на груди.

Скрип отодвигаемого стула прорезал тишину. Я опустился на холодный металл и, не поднимая глаз на Джулиана, произнёс:

— Садись, Локвуд.

Маркус поднял голову, переводя взгляд с меня на Джулиана. В его голосе отчётливо сквозило раздражение:

— В чём дело, Лиам? К чему этот срочный вызов? И почему через Брукса? Ты что, до сих пор продолжаешь с ним работать? Ты осознаёшь, что использование таких методов в твоём положении — прямой путь к разрушению всей линии защиты?

Я перевёл взгляд на Маркуса. Внутри меня бушевал шторм, но лицо оставалось непроницаемым.

— Закрой рот, Маркус. Я не нуждаюсь в нравоучениях относительно того, с кем мне работать и какими способами добиваться истины.

Джулиан медленно отделился от стены и, сохраняя ледяное спокойствие, опустился на стул напротив меня.

— Не нужно срываться на Маркусе, Лиам. Он здесь ни при чем. Он оставался в неведении до последней минуты.

— О чем именно я был в неведении? — Маркус нахмурился, переведя вопросительный взгляд на друга. — Что здесь происходит, черт возьми?

— Происходит предательство, Маркус, — я подался вперёд, впившись пальцами в край стола. Голос звучал глухо, без крика, но в каждом слове чувствовалась тяжесть осознания. — Вы оба были теми немногими, кому я мог доверить свою жизнь. Но, похоже, для Джулиана этого доверия оказалось недостаточно. Он возомнил себя судьёй, которому позволено решать за других, даже когда ему доверяют лишь сомнения, а не готовые ответы.

Джулиан не отвёл взгляда. Он сохранял пугающее спокойствие человека, который до последнего был уверен в правильности своих поступков.

— Я действовал в интересах фирмы, Лиам, — его голос был ровным, без малейшего намёка на раскаяние. — Это были наши первые крупные клиенты. Если бы мы не нашли виновного, нас бы уничтожили вместе со всеми карьерными перспективами, которые мы только начинали строить. Откуда мне было знать, что Элиас предпочтёт молчать об остальных участниках? Я был уверен, что, оказавшись под угрозой обвинения, он пойдёт на сделку, назовёт сообщников, и украденное вернётся в «Western Gate». Я защищал фирму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.